

КОНСТАНТИН ФРЕС

ПОЛЮБИТЬ
ДРАКОНА

Константин Фрес

Полюбить Дракона

<https://litres.ru/74203774>

Аннотация

Вот попала, так попала! Пошла искупаться в бассейне, похвастаться новым купальником перед подружками. Нырнула под воду, а вынырнула... что за холодное море кругом?! Кто эти люди, что грубо вылавливают меня из волн?! Эй, а поаккуратнее можно!? Что значит - «подарок и сексуальная игрушка для князя»? И что значит - «все равно потом выкинет в море»?!

Содержание

Глава 1. Вот это искупалась...	4
Глава 2. Что все это значит?!	11
Глава 3. Постель Повелителя	24
Глава 4. Ирментруда	35
Глава 5. Священный Грот	51
Глава 6. Драконы	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1. Вот это искупалась...

Новый желтый купальник был хорош и сидел на Диане идеально, подчеркивая ее прекрасную фигуру, стройные ноги и сливочно-нежную кожу. Белоснежную, как у русалки. И стоил он не три копейки. И пошит был так, как нужно - аккуратно и качественно. Сразу видно - фирма, взят в бутике, а не на рынке.

Диана многократно представляла, как будет выходить в нем из бассейна - как Венера из пены морской, - аккуратно и неспешно поднимаясь по металлической лесенке, цепляясь за поручни, а все будут смотреть на нее и удивляться, как до сих пор не замечали ее красоты.

И *он*, подлый кобель, лжец и похотливый бабник, тоже будет смотреть. Смотреть и жалеть, что променял ее, Диану, на кривоногую Ирку! И, может, пожалеет, что так опрометчиво переметнулся, и вернется...

Кривоногая Ирка, девица тихоня, типичная пай-девочка, с тараканным голоском, чистенькая и опрятная. Одинокая, не особо богатая подругами; все почему-то думали, что она девушка строгих правил, и просто так с парнем в койку не прыгнет. Диана ее не любила - чувствовался в Ирке какой-то подвох. И не ошиблась.

Выбравшись на природу в компании молодых людей и парочек, Ирка совершила поистине гадючий бросок, и, пока

Диана распаковывала вещи и занималась салатиками и тарелочками за общим столом, Ирка соблазнила ее парня - красавца Андрея.

Когда Диана застала их, Ирка стеснительно прятала глаза и натягивала на голую грудь край спального мешка - ее, Дианы, спального мешка! - а Андрей, закрывая ее широкими плечами от остальных ребят, притихших и оторопевших, заявлял громким, уверенным голосом:

- Это я!.. Это моя вина!.. Дин - прости. Мы не можем быть вместе... теперь.

Пикник, конечно, был испорчен истерикой, слезами, криками, дракой. Никаких шашлыков не случилось. Пришлось сворачиваться и ехать обратно в город.

Диану больше всего поразило даже не предательство Андрея, а то, как бесстыдно эта тихая змея-отличница, скромница, стыдливо опускающая глазки от сальных мужских шуток, вползла в ее, Дианы, палатку, и там, на ее, Дианы, вещах, отдалась. Раздвинула ноги. Прикрылась ее, Дианы, постельным бельем.

Двуличная дрянь!

Андрей всех уверял, что инициатором выступил он. Глупый Дон Кихот! Рыцарь драный! Он не видел гаденькую, сладкую улыбку на губах этой мартышки, которая притворялась невинной овечкой и смиренно просила у Дианы прощения.

Диана хотела расцарапать ей всю наглую рожу! Вырвать

волосы! Но Андрей не пускал ее; крепко сжимал сильными руками, которые когда-то причиняли не боль, а только приятные ощущения, и оттаскивал от палатки, где спешно натягивала трусы эта тварь!

Первое время после расставания Диана жила как в огне. Она надеялась, что Андрей, получив то, что хотел, отрезвеет, посмотрит на Ирку другими глазами - не бесконечно влюбленными, а трезвыми и беспристрастными. Не слепой же он, в самом деле?! Он увидит и ее кривые ноги, и почти плоскую грудь, и задницу, которая шире стола!

И, конечно, гадкую, лживую улыбку. Как можно верить этой Ирке, когда она так ядовито, так лживо улыбается?! Сразу видно, что она задумала какую-то мерзкую гадость! И слова - эта гадина должна была обязательно ляпнуть что-то, что выдало бы ее с головой! Что-то грязное и злое, в ее, Дианы, адрес! Что-то пренебрежительное, голосом победительницы. Андрей всегда был чуток к таким вещам. Он не любил издевок и плевков в сторону тех, кому больно, а Диане было чертовски больно! Очень больно!

Андрей это знал, и поэтому извинялся долго, бесконечно, хотя Диана рыдала, и половина слов не доходила до нее.

Вот поэтому она и ждала, напряженно ждала, даже, казалось, прислушиваясь - а не вспыхнет ли скандал? - когда торжествующая соперница капнет ядом в ее, Дианы, сторону, и Андрей прозреет. Но этого не происходило, и дни тянулись в мучительном ожидании, в тоске, слезах и мечтах о том, чего

никогда уже не будет...

Андрей был ее воплощенной мечтой. Красивый, спортивный, обаятельный. Он умел нравиться девушкам, и Диане даже льстило, что из всех он выбрал именно ее. Это была ее первая любовь, ее первые настоящие взрослые чувства. Не подростковые обжимания, а отношения - с планами на будущее, с робкими намеками на свадьбу, с первым сексом - неуклюжим, неловким, болезненным, но до головокружения возбуждающим и желанным.

После этого, лежа в объятьях Андрея с сильно бьющимся сердцем, Диана подумала - вот оно. Все. Теперь он полностью принадлежит ей. Над их головами качались, шумели деревья, небо было расцвечено звездами и бесконечно, как ее Дианы, счастье. Она думала, что теперь они навсегда вместе. Но это оказалось не так...

После слез, после ожидания пришла ярость. Диана места себе не находила. «Какого черта? - думала она. - Чем она лучше меня?! Я подарила ему себя! Первый раз! А эта по-таскуха, - тут Диана нервно рассмеялась, - она ведь даже девственницей не была! На вещах не было ни капли крови!»

Тут пришло время Диане смеяться, истерически, горько, до слез, понимая, что ее дар, ее невинность, была Андрею не нужна...

А потом пришло ярое желание уязвить парочку. Да, именно так - их обоих. Оба они хороши; Диана уже не верила, что Андрей тот хороший и честный молодой человек, каким она

его знала. Ей отчего-то начало казаться, что он ее обманывал с самого начала, и ничем он от хитрой Ирки не отличается.

«Просто хотел под юбку ко мне залезть, - с ненавистью и стыдом думала Диана. - Вот и прикидывался романтиком! А сам, наверное, к Ирке уже бегал... И со мной... со мной - это чтоб галочку поставить. Покорил; завоевал. Для ровного счета не хватало? Наверное, смеются теперь с Иркой надо мной... Смеются или нет? Правда он такой подлец, или все же нет?»

От этих мыслей становилось совсем уж паршиво и стыдно, и хотелось сделать что-то резкое, дикое, как-то выплеснуть яд, который, казалось, разъедал ее изнутри. Хотелось показать, что ей не больно, давно уже не больно. Что она тоже позабыла все, что больше не над чем смеяться!

И тогда она не нашла ничего умнее, чем купить новый купальник и явиться в бассейн, где наверняка можно встретить милую парочку.

Но всем ее мечтам о мести и о торжестве гордости не дано было сбыться. Андрей, завидев ее, поспешил скрыться в раздевалке, а Ирка и ухом не повела - продолжила щебетать с тренером.

«Ну и отлично, - бесшабашно подумала Диана, выбираясь из воды. - Пока она треплется, догоню Андрея и спрошу. Просто поговорю; нам поговорит надо».

Но стоило ей вылезти из воды, как дорогу ей заступила Ирка, словно из-по земли выросшая.

- Ты что-то хотела? - просвиристела она своим культурненьким, чистеньким голоском. Чисто пташка на ветке...

На Ирке был какой-то невзрачный, темненький купальник, который обтягивал ее плоскую грудку и невыгодно подчеркивал, пожалуй, чересчур широкие бедра. Кривоватые ноги - вот же смех! - были покрыты темненькими волосиками, приглаженными вниз, прилипшими к мокрой коже. Ирка смотрела своими темными глазками-пуговками, ее темные, приглаженные в аккуратный хвостик, волосики блестели в свете ламп, и Диане на миг показалось, что, наверное, она сошла с ума.

Ну, не могла эта девица у нее отбить парня!

Такая бесхитростная, такая простая, тихая и приятная... с точечками веснушек на носу. С таким простым, приветливым лицом.

Это бред какой-то, наваждение...

Диана отшатнулась от Ирки, и та, как змея, так же стремительно, как эти гадины делают бросок, подалась вперед, за Дианой, глядя глаза в глаза.

- Не смей и близко подходить к Андрюхе! - прошипела она, морща нос.

А вот теперь все сходится.

Простота исчезла из ее черт, приветливая улыбка обернулась мерзким издевательским оскалом, а глаза стали жуткими, наглыми, пьяными от восторга, что ей всех удалось надуть, обвести вокруг пальца.

- Он мой, поняла? - шипела Ирка, наступая на онемевшую Диану, вцепляясь в блестящие поручни выжимая девушку к воде. - Мой он! Ты ему не нужна, тупая неудачница! Можешь наряжаться во что угодно - он мой, и моим останется навсегда! Ты ему не нужна, ты ему не интересна, да и полюбить такую тупую, инфантильную дуру он не сможет никогда! Так что не смей к нему приближаться, поняла!?

Ирка внезапно задрала свою кривую волосатую ножонку и неожиданно ловко, почти не целясь, толкнула ею Диану в живот, да так сильно и болезненно, что у девушки дыхание перехватило. Она нелепо замахала руками, чтоб удержаться на ногах, но нет, не смогла.

Последнее, что она видела - это перекошенное от злобного торжества лицо соперницы и ее ядовитые слова, медленно разливающиеся над водой, как проклятье:

- Да тебя вообще никто никогда не полюбит, тупая овечка...

Глава 2. Что все это значит?!

Диана от неожиданности и от боли сразу ушла глубоко под воду и едва не захлебнулась. Она беспомощно заколотила руками по воде, в глазах ее потемнело. Вода сделалась почему-то обжигающе-холодной, да настолько, что судорогой свел ноги.

Диана с криком рванула вверх, пробкой выскочила на поверхность, но ледяная тяжелая волна тотчас толкнула ее в спину, обрушилась огромной тяжестью на плечи.

«Что это такое?! - в ужасе думала Диана, в панике снова вырываясь вверх, к бледному свету, еле пробивающемуся сквозь пляшущие волны. - Я головой, что ли, ударилась!? Я тону?!»

Ледяная вода снова ухватила ее, сжала плотно, и выкинула вверх. Диана снова с криком вынырнула, беспомощно барахтаясь в воде, и на миг увидела бледное низкое небо с белым пятном солнца, пляшущие вокруг нее свинцово-серые тяжелые волны неприветливого холодного моря, полоску берега далеко впереди и лодку с людьми.

- Помогите! - выкрикнула она, не понимая совершенно, что происходит.

Какая лодка?! Какое море?!

«Я, наверное, умираю, а это все мне кажется!» - успела подумать Диана, снова уходя под темную тяжелую воду. Но

тут чья-то жесткая, как корни деревьев, рука ухватила ее за запястье и потянула вверх. Налетела очередная ледяная волна, полная песка и рваных водорослей, толкнув бессильное тело девушки вперед, на лодку, и Диана была вытащена из воды, словно огромная рыба.

Она тряслась и шумно хватала ртом воздух, волосы прилипли к спине и плечам, и ей было все равно, что она отчего-то была совершенно нагишом, словно холодные волны слизнули с нее ее новый купальник, и ее спасители, грубые бородачи, пьются на ее грудь.

От пронизывающего ветра ее укрыли серым грубым покрывалом, толстым и тяжелым, как войлок. Дрожь била девушку так, что она с трудом дышала. Свернувшись калачиком, она упала на дно лодки.

- Что происходит, что происходит? - бормотала она, словно заклинание. Все происходящее казалось ей чудовищным сном, безумием.

Лодку, в которую втащили спасенную девушку, бросало по волнам. Один бородач сидел на веслах и греб, но, казалось, в бушующем море его усилия были тщетны. Второй мужчина, с закатанными до локтя рукавами, перевешиваясь через борт, разглядывал волны. Диане он показался охотником; он то и дело нырял вниз головой, едва не бушующие волны, и так же стремительно выпрямлялся, когда добыча была слишком агрессивной.

А она была!

Пару раз Диана в ужасе замечала мелькающие у бортов лодки лица - женские лица, - перекошенные ненавистью. Они скалили чудовищные зубы, их глаза горели золотым светом, бледные, почти синие от холода пальцы вцеплялись в борт лодки, а вместо волос на головах их была чешуя, и она поднималась дыбом.

Этих красоток бородач сталкивал обратно в море, бесцеремонно, не раздумывая. Они всплескивали чешуйчатым хвостом и скрывались в холодных волнах, а лодка продолжала свой нелегкий путь.

Когда лодка ткнулась носом в берег, в ней трепыхались еще три девушки, ни дать, ни взять - рыбы, вытащенные на берег. Они, так же как Диана, были абсолютно обнажены, и очень похожи на людей, с той лишь разницей, что, в отличие от Дианы, вели себя так, будто без воды им было тяжело. Они вертелись, крутили головами, взбрыкивали ногами - ни дать, ни взять, морские животные лапами. Бородачи накрывали их своими серыми одеялами, но девушки сбрасывали их, глядя очумевшими глазами в серое небо. На плечах их то и дело проступала чешуя, воинственно топорщилась и снова исчезала по мере того, как девушки успокаивались и приходили в себя.

В конце концов, их пришлось плотнее укутать в войлок и обвязать сверху веревками, чтобы они не поранили себя и окружающих. Только после этого они немного успокоились; но из серых ворочающихся коконов то и дел слышался ка-

кой-то угрожающий скрежет, словно глубоководные неведомые чудовища переговаривались друг с другом.

«Дурдом какой-то, - в ужасе думала Диана. - Кто эти девицы? Сумасшедшие? Или жертвы научных экспериментов?! Сбежали из-под замка? И меня, наверное, без сознания сюда приволокли и выбросили в море? И теперь вместе со всеми выловили и потащат обратно, в дурдом? Будут ставить эксперименты?!»

Она закричала и заплакала, забилась, и спасители обратили внимание на нее. Но вязать веревками не стали; наоборот - казалось, бородачи всеми силами старались успокоить ее. Они бормотали что-то, выставя вперед ладони, показывая, что не вооружены и не опасны, и голоса их звучали ласково, словно мужчины заискивались перед Дианой.

На берегу они развели костер, разложили вокруг него, поближе к огню, свою добычу, а Диану усадили на бревнышко, перенеся ее почтительно на руках. В ее промерзшие руки они сунули глиняную чашку с дымящимся чаем, пахнущим травой и ягодами, и девушка с наслаждением сделала глоток, чувствуя, как тепло катится по ее горлу вниз, в живот, и от этого крупная дрожь больше не бьет ее тело, и расправляются сведенные плечи.

Увидев, что она пьет, бородачи обрадовались, заговорили разом, возбужденно. Диана не понимала, что они говорят, в речи их повторялось одно и то же слово, полное ликования - «Ирментруда». Кажется, имя какой-то древней франкской

королевы?

Впрочем, все равно.

Повторяя его, бородачи то и дело предлагали Диане что-то съестное, то кусок сахара, то хлеб, и радовались, как дети, когда она принимала их нехитрые дары и ела. Как будто это чудо какое-то.

Меж тем темнело; полз холод с моря, костры на берегу - а их оказалось много, - растрепанными яркими пятнами бились на ветру вдоль кромки моря. У каждого из них стояла лодка, и вокруг пламени серыми камнями лежали надежно связанные девушки.

«Безумие какое-то!» - подумала Диана, глядя, как бородачи переворачивают эти серые коконы, прогревая их со всех сторон.

Дрожь перестала ее бить, волосы просохли, от костра зарозовели щеки, колючий песок ссыпался с высохшей потеплевшей кожи. Что теперь? Ответа не было, как и ответа на вопросы, как она сюда попала, и зачем она сюда попала. От пережитого и от горячего чая девушка была совершенно разбита и обессилена, она начала клевать носом, но тут конское ржание, топот копыт и громкие крики разбудили ее.

- Ирментруда, Ирментруда! - вопили ее спасители, бросившись куда-то в непроглядную ночь, явно привлекая чье-то внимание. Из темноты в неярком свете от костра почти тотчас же появились лошади, сверкающие дикими глазами, всадники - перепуганная Диана крутила головой, натягивая

на себя теплое одеяло, - и бородачи, перед кем-то сгибающиеся в подобострастных поклонах чуть не пополам.

- Что происходит, - пискнула она испуганно, но ее не слушали.

Один из бородачей подскочил к ней, рывком стащил ее с бревна и поставил босыми ногами на жесткую холодную гальку. Темнота загомонила на разные голоса, словно ее умение стоять было каким-то ужасно сложным фокусом. В круг света выехал еще один всадник на черном, как смоль, жеребце, разом заставив всех замолчать своим появлением.

Диана даже остолбенела, позабыв испугаться, хотя вид всадника был более чем грозен.

Это был мужчина, молодой - может, немногим старше Дианы, - черноволосый, статный, в черненых доспехах поверх красивой, странной, богатой одежды. Вооружен - она заметила широкий кожаный пояс, перетягивающий его талию, на котором нашлось место для меча и пары кинжалов.

Длинные волосы его гладким покрывалом лежали на плечах. Бледное лицо - красиво, с тонкими чертами, с чувственными яркими губами. Глаза его в темноте то смотрели темными провалами, то сверкали красивыми льдисто-серым и золотым светом, словно в них разгорался огонь, и тогда взгляд незнакомца становился одержимым и пронизывал насквозь.

Диане показалось, что шум вокруг нее стих, в ушах стоял гул, плотным комом отгораживающий ее от звуков всего ми-

ра. Она не слышала, как бряцали доспехи и узда, когда неизвестный спрыгнул с коня, не слышала, как загремела галька под его ногами, когда он сделал несколько шагов к ней...

«Господи, я сошла с ума! - словно молитву повторяла она, глядя, как незнакомец подходит все ближе и ближе. - Этого быть не может! Таких красавцев не бывает на свете! А если и бывают - то ни один из них в мою сторону не посмотрит! Зачем я ему? Почему он так смотрит?!»

Но тот, кого не бывает, однако, был. И смотрел в ее сторону не только с интересом, но и с волнением.

Мужчина был высок и широк в плечах. Рядом с ним Диана ощутила себя крохотной, слабой и беззащитной; он закрыл плечами все небо. От него исходил жар, словно от костра, и... кроме красоты, он поразил Диану тем, что кожа его неярко сияла в темноте, словно расплавленное золото, и под ней тонкими жилками, нитями, расцветали и гасли тонкие алые дорожки, расписывая высокий лоб и скулы мужчины тонкими огненными узорами. С его блестящих волос разве что не сыпались огненные искры, а в голосе слышался рокот моря. Он улыбался, и в глазах его мерцало пламя.

Непреодолимое волшебство потекло по жилам девушки. На мгновение ей вдруг почудилось, что ее рывком подтащило к этому странному мужчине, и выгнуло вперед грудью, будто она сама предлагала ему свое беззащитное сердце...

- Ирментруда, - повторяли бородачи, кланяясь.

Словно с самого великого чуда на свете, словно с древней

статуи богини они сорвали с Дианы грубое серое одеяло, и она осталась стоять перед черноволосым красавцем совершенно обнаженной.

Отчего-то она не спряталась стыдливо, нет. Волшебство, что светилось в глазах мужчины, околдовало ее, и она напротив - встала гордо, ровно, расправив плечи, словно цветок, освободившийся от тесных высохших лепестков, раскрылась, разведя руки, чтобы мужчина как следует рассмотрел ее.

Ветер с моря омыл ее тело, растрепал волосы и снова уложил их на ее плечи, будто стараясь придать девушке вид прекрасный и свободный. Диана услышала, как вокруг нее стихли всадники, пораженные, и тот, что стоял перед ней, отшатнулся, словно в лицо ему дохнул невыносимым пеклом пламень из самого сердца плавильной печи, в которой кипит расплавленное золото.

Рука его - горячая, крепкая, - коснулась ее плеча, крепко сжала, провела вверх, и мужчина разжал пальцы, мельком глянул на свою ладонь. Он словно ожидал, что она будет испачкана, - или *изрезана*, подумалось Диане. Изрезана острой чешуей, что таится под кожей других девушек, выловленных в море.

Но ладонь его осталась цела, и люди вокруг загомонили. К ногам Дианы полетели монеты - она слышала, как золото звенело о камни, - и золотоглазый красавец подступил к ней ближе, практически вплотную.

В его взгляде не было страха, хотя Диана словно наяву припомнила искаженные яростью лица женщин, которых бородачи вылавливали из волн. Их острыми зубами можно было б прокусить руку любого человека, и от нее, от Дианы, он мог ожидать точно такого же. Неспешно он коснулся ее щеки теплыми пальцами, поглаживая. Диана опустила глаза - на его запястье были видны давно зажившие рваные длинные раны. Кусали, значит...

Он склонился над ней ниже, почти касаясь носом ее носа, дыша ее дыханием, которое он будто решил попробовать на вкус. И она дышала его дыханием, чувствуя, что его огонь, его волшебство, передается ей, что она воспламеняется изнутри, горит, и странная жажда разливается у нее под кожей. На мгновение Диана почувствовала странную связь. Словно что-то касалось ее души, осторожно и бережно, и ее душа отвечала на эти прикосновения.

«Скажи, - послышался вкрадчивый шепот, хотя мужчина, склоняющийся над ней, не говорил ни слова, - скажи, что слышишь меня. Скажи, что понимаешь меня».

«Слышу, - шепнула Диана так же безмолвно, но горячо. - Понимаю! Я тебя понимаю!»

Она готова была плакать и кричать, готова была завалить расспросами этого человека, готова была рассказать, что не понимает, где она и как сюда попала, но он отстранился, и Диана почувствовала, что их ментальная связь прервалась,

и он больше не слышит ее.

- Ирментруда, - повторил мужчина, словно замороженный, пожирая Диану взглядом.

Рывком он содрал с пояса увесистый мешочек, звякнувший монетами, и кинул его бородачам.

Наверное, это был невероятно щедрый жест, и красавец заплатил за девушку, наверное, очень щедро, небывало щедро, потому что бородачи упали ниц и едва ли не целовали его сапоги.

Мужчина стащил со своих плеч плащ и уже накинул его на Диану, скрывая ее наготу от посторонних глаз, как вдруг из темноты выступил еще один мужчина, в светлых доспехах, поблескивающих золотыми рисунками, вытравленными на каждой металлической пластинке, скрывающей тело.

Он только глянул на девушку, и та онемела от изумления и страха.

Перед ней стоял... Андрей!

Так же коротко остриженный, как ей было привычно, в отличие от длинноволосого красавца, купившего ее, с тем же цветом глаз, с тем же цветом волос, с теми же чертами лица, знакомыми Диане от и до! Вот только его кожа теперь тоже светилась, но не теплым светом раскаленного металла, а таинственной космической синевой и звездным пронзительным светом, отражающимся в глазах!

Она едва не закричала от нахлынувшего на нее ощущения нереальности всего происходящего. Ее бывший возлюб-

ленный смотрел на нее! Он изучал ее с ног до головы, было видно, что ему нравится то, что он видит, и самоуверенная улыбка играет на его губах!

«Кто он?! - мысли в голове Дианы рванули наперегонки, смешались. Она не знала, что и думать. - Андрей?! Зачем он здесь?! Пришел меня спасти? Или это не он, а лишь похожий на него человек?! Да что вообще происходит!?»

Она очень хотела услышать родную речь, надеялась, что он окликнет ее по имени, и все сразу же разрешится, и ее тотчас же отпустят, не будут рассматривать, как племенную лошадь на базаре. А он заберет, укроет от всех, и увезет домой, но...

Но тот, кого Диана приняла за Андрея, ни словом, ни жестом не выдал себя, не показал, что знает девушку. Все так же небрежно улыбаясь, он кинул к ногам бородачей еще более увесистый кошелек, и тот лопнул под тяжестью золота. Монеты сияющим потоком пролились на камни, и бородачи кинулись их собирать.

Мужчина что-то сказал небрежно; язык, на котором он говорил, был Диане абсолютно непонятен, но голос, голос-то знаком!

- Андрей! - закричала Диана, не вынеся. Она бросилась вперед, к нему, но крепкие руки удержали ее и отбросили назад, от усмехающегося мужчины. - Миленький, хороший мой, заberi меня отсюда! Я хочу с тобой, Андрей! Заberi меня!

Диана ощутила ужас; колдовство, которое передалось ей из взгляда черноволосого красавца, рассеялось, улетучилось, и девушка снова ощутила холод, боль в ступнях, исколотых острыми прибрежными камнями, и страх. Страх оттого, что стоит голышом среди целой толпы незнакомых мужчин, и они... они торгуются за нее! Торгуются за право обладать ею. За право увезти с собой и сделать все, что в голову взбредет! И нет никого, кто мог бы защитить, спасти!

- Отпустите! - она билась и извивалась, вырывалась из всех сил, но ее весьма небрежно скрутили, завернули в плащ черноволосого и перевязали веревкой - точно так же, как и прочих девушек. Брыкающуюся и упирающуюся, ее закинули на коня, поперек седла.

Черноволосый красавец, усмехаясь, глянул на мешок с золотом, который готов был заплатить «Андрей» и неспешно стащил с руки перстень. В свете огня блеснул огромный бриллиант, окруженный сапфирами, и бородач на лету поймал драгоценность, тотчас сунув ее за пазуху.

- Андрей, спаси меня! - не унималась девушка, но, видимо, «Андрею» нечем было перекрыть цену, выставленную черноволосым красавцем, и он досадливо поморщился, отступил, сжав кулаки.

Черноволосый рассмеялся над бессилием соперника, отступая к своему коню. Он явно был доволен покупкой, хотя Диана и обошлась ему весьма дорого. Чтобы еще больше позлить неудачливого конкурента, он задрал свой плащ, скры-

вающий ноги и зад девушки, и звонко шлепну ее по округлой белой ягодице, словно породистое животное, под хохот своих людей.

Диана взвизгнула, задрывав ногами, из глаз ее от страха и унижения полились так долго сдерживаемые слезы.

- Андре-е-ей...

Она слышала его гневный голос, но не понимали ни слова. Черноволосый и его свита смеялись, слушая, как он ругается, а затем черноволосый - наверняка, чтобы еще сильнее подразнить соперника, - припал губами к ягодице девушки и куснул. Остро, больно, жадно, непередаваемо эротично, словно они были наедине, и никто не видел этой дикой и жестокой ласки.

Диана снова взвизгнула, забившись, и черноволосый, хоча, шлепнул ее по заднице и одним движением взлетел в седло.

Он что-то крикнул на прощание «Андрею» и пришпорил коня, спеша утащить добычу в свое логово.

Глава 3. Постель Повелителя

Диана пришла в себя, когда купивший ее черноволосый красавец бросил ее на постель, свалил, словно куль с мукой, нисколько не заботясь о том, что с ее кожи волос колючий морской песок насыплется в простыни.

Комната, куда притащил ее незнакомец, напоминала морской грот. Стены, будто отполированные волнами, уходили вверх, посверкивая вкраплениями минералов. По потолку метались яркие светлые сполохи - недалеко, за стеной из коралловых ветвей, шумела вода, словно в спальне был огромный бассейн.

Диана пошевелилась; она смогла определить, что руки и ноги ее свободны, не связаны, а от плаща легко избавиться. Девушка несмело шевельнулась, приподнялась. Ее хозяин, мужчина, отдавший за нее так много денег, стоял прямо перед ней, разглядывая свою добычу. Он неспешно раздевался, расстегивая причудливые металлические застёжки на одежде из синего плотного материала, и его серые льдистые глаза одержимо сверкали.

Диана вскрикнула и забилась в уголок огромного ложа, судорожно натягивая на себя плащ. Мужчина просто пожирал ее взглядом, губы его подрагивали, ноздри трепетали, словно ему не терпелось отведать ее крови.

Неспешно стащил он с себя пояс с оружием, богатую верх-

нюю одежду, небрежно сдернул с плеч белую нижнюю рубашку, отбросил длинные черные волосы на спину, и девушка, испуганно забившаяся в угол, удивленно ахнула и даже забыла прикрыться от нескромных взглядов мужчины.

Сложен незнакомец был точно как человек. Как сильный, тренированный человек. Под атласной чистой кожей перекатывались тугие мышцы. Плечи незнакомца были широки, спина - мощна, руки - крепкие, с хорошо развитыми, сильными длинными пальцами.

Только при каждом повороте его тела, под ровной кожей, поблескивая золотом, сверкала чешуя, острая и плотная. Иногда гармоничную игру света на чешуях прерывали шрамы - короткие и длинные, рваные, неровные, белые, тянущиеся под кожей, - словно он неоднократно сражался с каким-то чудовищем, и оно рвало когтями его спину, его грудь. Однако. Мужчина оборачивался к свету под другим углом, и волшебная игра золота под его гладкой кожей пропадала, и Диане казалось, что все это - и чешуя, и шрамы, - было всего лишь нарисовано ее воображением.

«Боже, да он такой же монстр, как те женщины, которых сталкивали в море!» - подумала Диана, как замороженная рассматривая мужчину, подмечая каждый золотой всполох. Почему-то ей показалось, что под человеческой, слишком тесной оболочкой шевелится огромное, могучее животное, морское неведомое чудовище.

Мужчина меж тем освободился от штанов и, обнаженный,

шагнул к девушке. Высокий, сильный, он казался Диане пугающим, как первобытный дикарь. Своей наготы он не стеснялся, и Диана, глянув на него, со стыдом скользнув взглядом по дорожке темных волос на его животе, заметила, что его член уже возбужден, налит кровью. Значит, все намерения этого дикаря более чем ясны...

- Даже не вздумай меня касаться! - в панике выкрикнула Диана, но мужчина в ответ усмехнулся, показав острые, нечеловеческие клыки. Эта деталь его ослепительной улыбки почему-то ввела девушку в ступор, и она уселась неподвижно, и очнулась только тогда, когда мужчина оказался совсем близко.

Его ладонь, лаская, приподняла ее лицо за подбородок, и мужчина легко коснулся ее губ своими губами, невесомо и осторожно, будто хотел проверить, а опасна ли его избранница. На миг в мозгу Дианы промелькнула шальная мысль вцепиться зубами ему в губу, прокусить до крови... Но этот жалкий укус сразу показал бы ему, как она, Диана, слаба, и тогда... он мог разъяриться и выпустить свое чудовище наружу, или просто растерзать дерзкую девушку.

Поэтому Диана перенесла его поцелуй молча, от ужаса вся дрожа, как натянутая струна.

Она заверещала, зажмурилась, когда он выхватил ее из спасительного кокона, стащил с постели, закинул себе на плечо и зашагал к пахнущему морем бассейну.

- Отпусти меня! - верещала Диана, колотя по его спине

кулаками. Но безрезультатно; мужчина словно не чувствовал ее ударов. Колотить его было все равно, что пробовать отдубасить толстого варана. Ладоням девушки стало больно, а своему «хозяину» она не нанесла ни малейшего ущерба. Только чешуя под кожей вспыхивала ярче.

Добравшись до воды, он, осторожно ступая, спустился по трем ступенькам в воду, и Диана напряглась. Голубые, словно подсвеченные снизу, волны были все ближе и ближе.

- Что, опять?! - закричала она, вцепляясь от страха ногтями в его спину. - Нет, только не в бассейн!

«Вдруг меня занесет еще куда-нибудь?!» - в панике думала она.

Но мужчина не слушал ее, спускаясь в воду все глубже и глубже. Когда вода стала доходить ему до пояса, он бесцеремонно ухватил девушку, висящую у него на плече, за бедра, и бросил в воду.

Теплые сияющие волны сомкнулись над головой у Дианы. Она провалилась в толщу воды, испуганно озираясь по сторонам. Внизу на дне, выложенном мозаикой, мерцали таинственным светом голубые кристаллы, похожие на топазы, крупные и совсем крошечные, а вокруг перепуганной девушки, неспешно и плавно, выплывало круги морское чудовище.

В ужасе Диана проводила взглядом длинное тело, сияющее позолотой, словно золотая рыбка в аквариуме. Плеча ее коснулся нежный, полупрозрачный плавник, на круто вы-

гнувшейся спине чудовища раскрылся гребень, прорезая воду словно остро отточенный нож. То, что кружило вокруг нее - это же был морской змей, настоящий подводный дракон, хищный и огромный. Голубые кристаллы на дне от движения воды, потревоженной движениями сильного большого тела, вспыхнули ярче, будто проснулись. Перепуганной Диане почудилось даже, что она слышит их пение, странную, неземную музыку, шепот океана.

А затем пришло жжение. Вода, которую дракон перемещивал своим телом, пришла в движение и размывала кристаллы, наполняясь их мелкими частицами и сиянием, словно воздух светлячками. Касаясь кожи девушки, эта сияющая вода обжигала, как огонь, и странное томление разливалось по венам Дианы.

С криком Диана выскочила на поверхность, заколотила руками по воде, но сияющие струи, поднявшиеся со дна, уже догнали ее и оплели лентами, обжигая плечи, живот, бедра.

Перепуганная девушка в два взмаха достигла ступеней, выбралась на них, подстегиваемая жжением. Ей казалось, что все тело ее пылало и пульсировало, особенно между ног. Она прижала дрожащую ладонь к горящему лону и выкрикнула от неожиданности. Удовольствие пронзило ее тело, мягкими спазмами растеклось по животу, налило тяжестью ноги. Девушка упала на мозаичный пол, свернувшись калачиком и поскуливая, потому что ползущие по ее коже капли воды терзали уже ее всю. Они ползли по груди, пока-

лытая острыми иглами желания соски, они щекотали живот, наполняющийся сладкими спазмами, они холодили важные бедра, и холод воды превращался в огонь нестерпимого желания там, между ног.

Никогда прежде Диана не испытывала такого безумного сексуального желания. Даже по любви, даже с Андреем, все было не так. Тогда, с любимым, она ощущала перемешивающийся с возбуждением сты. Сейчас же стыда не бы совсем, ей казалось, что от возбуждения к ее лону и половым губам прилило столько крови, что она вот-вот брызнет из всех пор. Встать и убежать было невозможно; Диане казалось, что сделай она хоть шаг, удовольствие станет совсем уж невыносимым, и она, чего доброго, кончит на глазах у этого... этого... или умрет от разрыва сердца.

Мужчина меж тем вынырнул из кипящей белой морской пеной воды, вернувшись к человеческому облику. Приглаживая черные мокрые волосы, он неспешно вышел из бассейна. Его серые глаза блестели стылým льдом, сияющая вода лилась по его груди и жемчужным каплями била о волнующуюся поверхность и затем о мозаичный пол.

- Не смей меня трогать, - пропыхтела Диана, отодвигаясь от наступающего на нее мужчины. Возбуждение тотчас дало о себе знать; с мучительным стоном она упала на спину и, совсем позабыв про стыд, развела дрожащие колени, чтобы не чувствовать невыносимой сладкой пытки. Лишь бы стало легче...

- Что ты сделал со мной, - пыхтела она, балансируя на грани облегчения и невероятного, нечеловеческого наслаждения, которое обрушивало ее сознание в черную пропасть. - Что ты натворил?..

Мужчина посмеиваясь, неспешно приблизился к девушке, извивающейся на полу, прилег рядом. По-хозяйски провел ладонью по ее часто вздымающейся груди, по трепещущему животу. Диана даже не двинулась, чтобы защититься, отстраниться от ласкающего ее мужчины. Каждое движение зажигало звезды под ее дрожащими веками, девушка чувствовала, что приближающийся оргазм покалывает все ее тело, и она боялась и противилась ему.

Мужчина рассмеялся, показывая свои острые опасные клыки; внутренняя борьба девушки не укрылась от него. Желая поддразнить ее еще больше, он с улыбкой поднял руку и показал Диане голубой кристалл, зажатый в пальцах.

- Ради бога, не надо, - проскулила Диана, с ужасом глядя на этот странный кристалл, сочащийся сияющими каплями.

Однако, мужчина не понимал ни слова из того, что она говорит. Да и вряд ли ее слабые попытки противостоять ему смогли бы остановить его. Осторожно коснулся он этим кристаллом раскрытых губ девушки, обвел сначала верхнюю губу, аккуратно повторив уголки, затем нижнюю, и Диана с ужасом поняла, что теперь все желание сосредоточено в ее губах. Оно пульсировало там, делая рот девушки невероятно чувствительным, и если Диана подумала, что если она не

поцелует сейчас что-нибудь, то просто умрет.

Сияющая капля стекла с кристалла, скользнула по языку девушки, и та почти с криком припала к улыбающимся губам мужчины, впилась в них, словно истомленный жаждой, умирающий человек к чистому источнику. Девушка запустила пальцы в черные мокрые волосы мужчины, забыв о всякой осторожности, забыв о страхе и стыдливости. Она привлекла его к себе, неистово и жадно целуя его, боясь только одного - что он отстранится прежде, чем она утолит свою жажду.

Он целовал ее так же страстно и неистово, будто сам находился под властью волшебного кристалла, будто его сок так же невыносимо жег и его губы. Мужчина проникал языком в рот Дианы, лаская, и девушка захдилась в столах, принимая эти гловокружительные поцелуи.

Словно капля раскаленного металла коснулась ее соска, и Диана закричала, отпрянув от мужчины. Его пыльцы осторожно поглаживали остренькую вершинку тающим кристаллом, и Диана закричала, словно он клеймил ее каленым железом. Откинув голову назад, она выгнулась, поскуливая, подставляя грудь под его поцелуи, и едва не умерла от облегчения, когда мужчина накрыл пылающую вершинку губами и стер острейше, невыносимое желание.

Пальцы с зажатым в них кристаллом нежно рисовали замысловатые узоры по дрожащему телу Дианы, девушка вскрикивала и затихала, блаженно вытягиваясь, подставляя пылающую кожу под исцеляющие поцелуи. От острых, непе-

реносимых ощущений она была на грани помешательства, и в этот миг позволила бы касаться и целовать себя где угодно.

Тающий кристалл провел тонкую полоску по подрагивающему животу девушки, скользнул по лобку, нырнул между припухших, горячих губ и коварно погрузился в мокрое, раскрытое лоно.

Диана закричала, сжала бедра из всех сил. Ей показалось, что в ее животе расцвел огненный цветок, сводящий ее с ума. Девушка все бы отдала, чтоб вытряхнуть из своего тела чертов кристалл, но мужчина накрыл ее лono ладонью, прижал пальцами мкрую чувствительную дырочку, и настойчиво втирал в кожу сияющую голубизну. До хриплых криков, до воплей погибающей грешницы, до спазмов, выгибающих се тело девушки.

Диана вертелась, словно ее поджаривали на углях, стонала и кричала, словно с нее заживо сдирают кожу. Невыносимое желание разливалось по ее телу, и его уже не победить было поцелуями. Это безумие и сравнивать невозможно было с робкими обжиманиями с Андреем.

- Что ты сделал со мной, - рычала Диана. - Что со мной...

Мужчина не ответил; он поняся, подхватил девушку на руки, поднял и перенес ее в постель.

Прохладные простыни приятно освежили пылающее тело.

Постанывая, Диана позволила мужчине развести ее колени, и взывала, как дикий зверь, когда он подхватил ее под бедра, а его член ткнулся в ее сочащееся смазкой лono.

- Ну же! - рыдала Диана, нетерпеливо и бесстыдно виляя бедрами, стараясь надеться на член и погасить внутри себе непереносимое желание. Она смотрела, как его член проникает в ее тело, и жаждала этого, как лекарство, исцеления от невыносимых мук, как глоток жизни.

Мужчина был очень осторожен с ней; видимо, и его желание было велико, на его гладком лбу вспухли крупные капли пота, он прикусил губу острыми зубами, но, поддерживая девушку под извивающейся поясницей, он, однако, не спешил ее терзать. Его первое проникновение было осторожным, неторопливым, и Диана выгнулась ему навстречу, забыв, кажется, как дышать.

Ничего слаще в ее жизни не случилось.

Она металась в постели, глядела не видящими глазами в потолок, а ее тело наполнялось наслаждением, словно звездным светом. Член мужчины, глубоко и сильно толкаясь в ее раскрытое тело, доставляя ей невероятное удовольствие. Руки мужчины поддерживали ее, и Диана, касаясь постели лишь затылком, выгибаясь навстречу мужчине, в полуобморочном состоянии думала, что летит, парит над пропастью, падает в ослепительное алое наслаждение, которое взрывается белой вспышкой и возносит ее вверх, к солнцу.

Когда все кончилось, девушка распахнула глаза. Над собой она увидела лицо мужчины и свои руки, обнимающие его за шею, привлекающие нечаянного любовника к се-

бе. Дыхание ее было сбивчивым, горячим, тело дрожало, а странный черноволосый красавец, о котором еще сегодня с утра Диана не смела и мечтать, целовал ее припухшие губы и разглаживал влажные волосы.

Глава 4. Ирментруда

- Что ты сделал со мной? Что это было?!

Диана задала вопрос чисто риторически, не надеясь, что мужчина поймет ее и ответить, но он внезапно понял.

- Ничего особенного, - ответил он, снова улыбнувшись и с удовольствием прильнув к девушке всем телом, ласкаясь, потираясь животом о ее гладкую кожу. Казалось, отсутствие на ее коже ранящих чешуек приводило его в восторг, он терся и ласкался, как огромный кот.

- Ты... понимаешь меня?! - выдохнула удивленная, Диана - и почти тотчас же застонала, жалобно, почти по-животному беспомощно, потому что мужчина перехватил ее ноги под коленями, развел их шире и мягко, но настойчиво вжался в ее тело, проникая глубоко в ее лоно, касаясь каких-то особо чувствительных точек. Его член уже был не так тверд, но вышло все равно чувствительно, и мужчина с удовольствием сцеловал стоны с ее губ, урча от удовольствия, терзая ее обмякшее тело и наслаждаясь властью над ним.

- Конечно, понимаю, - жарко прошептал он, прихватывая губами расслабленный, мягкий язычок девушки вместе с ее нижней губой, запуская свой язык в ее разгоряченный рот и улыбаясь так, что на щеках его играли обаятельные ямочки. - Ты же отведала драконьего яда. Значит, и на языке Разумных должна говорить. Ирментруда моя...жемчужина моря...

- Что за язык?! Что за Разумные?! Как я попала сюда? - вопросы так и посыпались из Дианы, когда мужчина, поцеловав ее, отстранился от нее с явным намерением встать и покинуть свою любовницу.

Черноволосый красавец с удивлением взглянул на нее.

- Разве ты сама не знаешь, - произнес он удивленно, - зачем и для кого ты покинула морское дно? Ты не помнишь? Конечно, все Невесты отчасти лишаются памяти, выбираясь на берег, но ведь ты Ирментруда. Ты должна быть разумнее всех, да ты такая и есть, насколько я могу судить.

- Я не Ирментруда, - со слезами на глазах ответила девушка. Шок навалился на нее с новой силой, она упала в постель и закрыла пылающее лицо ладонями. - Меня иначе зовут...

Мужчина нахмурился, оборачивая бедра пестрыми шелками.

- То есть, ты помнишь свое подводное имя, но не помнишь, как и зачем попала сюда?

- Я не Ирментруда! - почти в отчаянии выкрикнула девушка. - Меня зовут Диана, и я... я...

Она запнулась. Как объяснить этому человеку - и **человеку ли?** - откуда она пришла?

- Ну? - подбодрил ее мужчина.

- Я пришла из другого мира, - наконец, решилась Диана. - Меня столкнули в воду, и я...

- Это говорят абсолютно все Невесты, - безразлично перебил ее мужчина. - Водный мир - это совсем иной мир. Ра-

зумные, мужчины, не могут долго там существовать, а вот дикие и вольные Дети Природы, женщины вроде тебя, там рождены.

Раз в год, ранней весной, когда море еще холодно и бурно, растущая луна становится полной и манит Детей Природы к поверхности, поиграть в бликах света. Море бурно и полно драконьего яда. Он дурманит самкам головы, они начинают желать мужчин. Самые спелые самки сбрасывают свою острую опасную чешую и становятся похожи на Разумных. Природный зов ведет их, и перед ним не устоять ни одной из Детей Природы.

Они выбираютя поближе к берегу, чтобы стать самками для Разумных, их женами, и дать потомство. Ты - очень похожа на Разумного. Ты самая спелая. Самая желанная. Твоя кожа гладкая, голос нежный, губы мягкие и теплые, а лоно влажное и приятное. Ты - Ирментруда, Королева Змей. Такие самки вызревают редко, и от них родятся самые крепкие, сильные и красивые дети. Поэтому, если ловцам посчастливится поймать Ирментруду, они обогащаются и могут потом не работать. И предлагают Королеву Змей, - мужчина сделал многозначительную паузу, - только правящим. Можешь называть меня Князь Эван. Ты - большое сокровище. Любой мужчина был бы счастлив обладать тобой.

Диана была потрясена услышанным.

- То есть, - произнесла она, - меня отдали вам, чтобы я... рожала вам... наследников?

Назвавшийся Князем Эваном чуть кивнул головой. От этого простого движения на плечах его жарко вспыхнула чешуя, и Диана в ужасе отпрянула от него.

- А потом? - тихо спросила она. - Когда... когда появится наследник?

- Ты так просто об этом говоришь, - фыркнул мужчина. - Ты такая юная... странно, что ты так рано созрела. Тебе есть двадцать весен?

- Есть, конечно! - возмутилась Диана.

- Наверное, так рано ты вызрела в дальних теплых морях, - произнес мужчина. Он стремительно приблизился к девушке и склонился, по-звериному принюхался к ее волосам. - От тебя пахнет сладким фруктами и солнцем. Что ж, тем лучше. Если удастся зачать наследника, он будет очень сильным.

- А потом? - не отставала Диана. - Что ты потом со мной сделаешь? Ты... освободишь меня?

Князь снова с удивлением глянул на девушку.

- Дети Природы сами берут свободу, когда беременеют, - ответил он слегка озадаченно. - Они зовутся Аудоверами. Беременные самки обрастают чешуей, становятся агрессивны и теряют способность понимать человеческую речь. Их отпускают в море; ничего иного делать не остается. Если самка понесла дочь, она родит ее в море и оставит себе. Если сына - она принесет младенца в Теплый Грот, в пещеру под городом. Там теплая вода и мягкий песок. Оттуда дитя заберут Звездные Колдуны и отдадут отцу. Так было всегда, так

будет вечно.

- Как же определить, кто отец?

- По запаху, разумеется, - удивленный, ответил князь Эван. - Ни один отец не спутает свой собственный запах, исходящий от своего младенца, ни с чьим иным.

Перспективы для Дианы рисовались отнюдь не радостные. А что, если любую вспышку гнева тут принимают за превращение в дикую самку?! Что, если Диана начнет плакать, кричать, испугается? Ее выкинут в море?!

- Но я не хочу в море, - прошептала Диана со слезами на глазах. - Я не смогу в море!

- Такая беззащитная, лишенная чешуи и плавников - конечно, - поддакнул мужчина. - Поэтому ты можешь жить здесь столько, сколько тебе понадобится. До тех пор, пока не будешь уверена, что тебя зовет природа. Ты - Ирментруда, тебе будут оказаны все полагающиеся тебе знаки внимания и почет.

- А если... а если я надоем тебе, то что тогда?

Князь смерил девушку взглядом.

- Старые Ирментруды, - сказал он не особенно приязненно, - не родившие никого, но обросшие чешуей от старости, обленившиеся и растолстевшие, не желающие возвращаться в море, зовутся Галесвинтами.

От них надо бы избавиться, но они вечно находят уловки, чтобы не покидать этого дома. Они вырывают чешую, отрастающую на щеках, они скрывают свои волосы, превращаю-

щиеся в гребни и плавники, под шапками и покрывалами, они берут обет молчания, чтобы никто не услышал, что их голос стал страшнее скрежета металла, и даже подпиливают зубы.

Конечно, Галесвинт лучше б отпустить на волю, но как выкинешь в море беззащитное существо? Ни зубов, ни плавников... Они живут здесь, и лучше тебе с ними не встречаться, потому что сердца их делаются жестокими и коварными. За вкусный кусок, за право быть ближе ко мне, они могут и покалечить тебя. Конечно, преступницу - Фредегонду, - тогда настигнет суровая кара, но вряд ли тебя это утешит.

- Из-за сладкого куса? - повторила Диана. Это словосочетание ей почему-то особо не понравилось. Как про собак каких-то... - Может, эти женщины просто любят тебя, и поэтому не хотят в море возвращаться?

Мужчина с удивлением посмотрел на Диану.

- Любят? Любовь? - повторил он. Притом слово это он произнес неуклюже, как будто никогда раньше его не говорил. - Это что такое?

Теперь настала очередь Дианы удивляться.

- Ты никогда не любил женщину? - удивленная, спросила она. - Ты спишь с ними, платишь огромные деньги, чтобы тебе досталась лучшая, но не любишь ни одну?

- Как можно любить самку? - спросил мужчина отчасти надменно. - Женщина - это та, что никогда не разделит со

мной свою жизнь. Самка бесконечно далека от меня; ее мысли простираются до самого горизонта, но все они о море и об игре с подругами среди водорослей. От самки не дождешься ни ласки, ни заботы, ни верности, ни поддержки. Любить можно отца, потому что он дал мне жизнь и принял в свою семью, брата - потому что он величайшее чудо, сотворенное отцом. Сына - потому что он продолжит род. И все они рядом. А женщины... Как можно любить того, кто бесконечно далек?

- Но ведь они рядом! - упорствовала Диана. - Ты сам говорил, что они идут на всякие уловки, чтобы остаться рядом с тобой!

Мужчина расхохотался, демонстрируя крепкие острые клыки.

- Чтобы остаться со мной, - повторил он, - или чтобы отъесть себе брюхо? Есть одна такая; любит сладкую свинину и подливке. Растолстела так, что больше похожа на моржа. Другая любит красивые платья и то, как я их надеваю на нее. Она сохранила свою красоту и иногда делит со мной ложе, потому что знает - поутру можно выпросить себе новый красивый наряд. Третья без ума от золота. Она тоже красива, но в ее постели я не испытываю ни тепла, ни страсти. Ты - пока ты свежа, пока зов природы не вернул тебя обратно в волны, ты еще можешь подарить мне иллюзию близости и влечения, но и то ненадолго.

Диана молча переваривала информацию.

«Сбылось проклятье Ирки! Этот красавец даже слыхом не слыхивал, что бывает любовь, и что люди существуют друг для друга! Гарем, - подумала с отчаянием она. - Гарем - вот как это называется, и любовью тут не пахнет. В нем тетки мне все волосы вырвут и лицо раскарябают, если он мне подарит платье, красивее, чем у них, или серьги, богаче, чем у кого-то. Я не хочу, я не умею плести интриги и бороться за... повелителя! Что вообще за дичь и средневековье! Должен же быть выход? А если сбежать, он преследовать будет? Все-таки, много денег потратил, наверное, да еще и наследника хочет!»

Разум ее пылал в поисках выхода из ситуации, и в памяти всплыл вдруг Андрей. Неожданное видение, расцвеченное светом звезд, на ночном морском берегу. Его глаза, смотрящие так знакомо, его жадный, исступленный взгляд, провожающий ее. Может, он выкупит ее? Ведь он не зря появился тут, совсем не зря! Таких совпадений не бывает!

- А тот, второй человек, - осторожно начала Диана, - что был на берегу с тобой... Ты мог бы меня ему продать? Я видела, он торговался. Вдруг он смог бы предложить тебе много денег? Сам подумай, зачем тебе еще одна самка?

Диана не успела сказать ни единой приметы человека, которого имела в виду, но мужчина мгновенно понял, о ком она говорит. Он даже позабыл, что одевался и отыскивал пояс. В распахнутой сорочке, босой, он одним прыжком оказался возле девушки, и его руки до боли сжали ее плечи, а

ярость, пролившаяся в кровь, прочертила на щеках, под кожей, огненные узоры, огненным сиянием брызнула из раскаленных золотых глаз.

- Даже не смей думать о нем! - раздраженно прорычал дракон, встряхивая Диану крепко, будто стараясь вытрясти из ее головы даже мысли о другом мужчине. - Не навлекай на свою голову беды, дочь моря!

- Беды? - испуганно пискнула Диана. - Отчего?.. Что плохого в том, что я о нем говорю? Ты убьешь меня за это?!

Первой ее мыслью было - он ревнует. Мужчины не терпят, когда женщины обращают внимание на других.

- Убью? - прорычал он одержимо, неистово, рассматривая Диану горящим взглядом. - Как же можно убить тебя, Ирментруда? Как можно погасить твои ясные глаза? Как можно смять шелк твоих волос, как можно засыпать колючим песком атлас твоей белой кожи? Как можно уничтожить призраки нежности, такой желанной и такой недоступной, далекой? Нет, я не смогу убить тебя, женщина. Легче себе руку отсечь, чем отказаться от блаженства прикоснуться к тебе... но не смей даже помышлять о других!

- Ты пугаешь меня! - воскликнула Диана, пытаясь вырваться, но мужчина одним рывком вернул ее на место, прижался жадно, зарылся лицом в ее волосы, вдыхая ее аромат, иступленно тиская ее теплое податливое тело.

- Пугаю? - выдохнул он. - А старейшее мировое зло, Звездный колдун, не пугает? Не боишься его лжи, его нечи-

стого волшебства, его черного сердца, его жажды власти?

Мужчина словно взбесился. Его крепкая ладонь сжалась на горле перепуганной девушки, словно он хотел, чтобы ни звука о звездном мужчине не вырвалось из груди Дианы.

- Ирментруда, - выдохнул он злобно титул, которым именовал Диану с таким обожанием и восторгом. Его горящие глаза сверлили девушку злобным взглядом. - Ты ведешь себя странно, очень странно... На первый раз я поверю, что ты не оправилась еще после холодных волн моря, но ты не должна даже думать о том человеке! Такое я вижу впервые в своей жизни, а пожил я долго! Все самки боятся Звездных колдунов и чуют их за версту! И лишь ты одна заинтересовалась им. Может, ты его злое порождение? Его слуга? Любовница? Не зря же он терся на берегу и искал... что он искал? Тебя?!

- Откуда же мне знать?! - пискнула испуганная Диана.

- Тебя, - со злобной улыбкой протянул мужчина, вглядываясь в испуганные глаза девушки и озвучивая свою догадку.
- Зачем ты нужна Звездному колдуну?

- Я не знаю! - выкрикнула Диана.

- Подумай хорошенько, прежде чем мне лгать! - рыкнул мужчина.

Огненных узоров на его лице становилось все больше, чешуя сверкала на висках, и Диана поняла, что еще миг - и она вместо человеческого лица увидит оскаленную морду дракона. Это было так страшно, что она зажмурилась и закричала:

- Я видела! Я видела его прежде! В прежнем мире! Наверное, он пришел за мной!

Видимо, это было так необычно, что пальцы мужчины разжались и он, удивленный, отпрянул от девушки.

- А-а-а, - потрясенный, протянул он, - Звездный колдун тебя преследует? Скачет за тобой из мира в мир?

- Я не знаю! - выкрикнула Диана. - Действительно не знаю! Но мне показалось, что я видела его прежде!

**

- Эй, братец! Тише! Что ж ты делаешь?!

Молодой, веселый голос потушил пожар в глазах мужчины, он отпустил Диану, и та упала в постель, испуганно натягивая одеяло до самых глаз.

- Ты же пугаешь Ирментруду... Драконье дыхание, как хороша! - меж тем не унимался молодой. - Какая гладенькая! Какая красивая, спелая самка! Зачем же ты ей боль причиняешь?! Зачем кричишь!? Она ни в чем не виновата! В твоих бедах так точно! Сердца у тебя нет, Эван!

- Князь Эван, - рыкнул в ответ мужчина, едва не фыркая от злости, отпрянув от девушки.

- О, прости! - тут же исправился молодой. - Князь Эван!

Пришедший в самый напряженный момент молодой человек - в пугающих черных доспехах, в гривастом шлеме, с рассеченным лицом, через всю щеку и губы, - улыбался во весь рот, отирая кровь. Однако, эти царапины его, как будто, не тревожили. Сняв шлем, рассыпав по плечам темные бле-

стящие волосы, он обаятельно рассмеялся, тоже показывая острые зубы, и весьма нескромно рассматривая Диану.

Это был совсем молодой человек - о, простите, дракон! - в своей юности обаятельный и светлый, не жестокий и не испорченный властью. Высокий, выше старшего дракона, и худощавый по-юношески. Его темные глаза были веселы, он шмыгал разбитым носом, потирал рассеченную губу, словом, вел себя так, как ведут себя все мальчишки, вернувшиеся домой после драки. Небрежно отерев лицо поданным старшим братом полотенцем, он отшвырнул свой шлем и стал спешно избавляться от доспехов, сковывающих его движения, бросая их прямо на пол.

- Веди себя соответственно титулу княжича, - рыкнул старший дракон, сверля младшего строгим взглядом. - Ты выглядишь так, будто тебя жадные Гелесвинты драли.

- Конечно, - поспешно согласился младший. В голосе его слышалась нетерпеливая дрожь. - Прошу прощения. Дай умыться. Ты же позволишь мне разглядеть ее хорошенько?..

Старший нервно фыркнул, дернул плечом.

- Смотри, - ответил он нарочито небрежно. - В конце концов, род, надо продолжать... И какая разница, я или ты...

Младший, задорно шмыгнув кровоточащим носом, осторожно, чтоб не испугнуть девушку, скользнул на постель, как черный изящный змей. Его ладони проникли под одеяло, скрывающее Диану, и она почувствовала, как мальчишка касается ее, поглаживает ее ноги, пальцами повторяя изгибы

ее тела.

- Не бойся, не бойся, - шептал он, сияя ослепительной улыбкой и восхищенными глазами. - О, какая... драконья пещень, ну до чего хороша!

Несмотря на лестные слова, эти заигрывания показались Диане обидными.

«Как лошадь успокаивает, - сердито подумала она и откинула одеяло, бессовестно показывая обнаженную грудь. - Я ему что, животное?!»

- Я и не боюсь, - ответила она гордо, и драконий княжич рассмеялся, придвинулся ближе, обнял ее бедра холодными, замерзшими на холодном весеннем ветру ладонями.

- Не боишься? - озорно повторил он. - Правильно, не бойся. Эван просто ревнив, - младший небрежно откинул одеяло, раскрывая обнаженные ноги девушки. - И колдунов не любит. Они украли у него одну Ирментруду. Хорошенькую, гладенькую.

Диана и опомниться не успела, как этот молодой прохвост своими юными губами наставил на ее коленях горячих поцелуев, и осторожно развел ее ноги, деликатно касаясь ее теплой кожи по-юношески узкими ладонями.

- Пресвятые драконьи крылья, - выдохнул он, удерживая перед собой девушку с разведенными ногами, - да она розовая тут! Розовая, представляешь?!

Не дожидаясь ответа брата, он подхватил девушку под ягодицы и одним взмахом, уже не церемонясь, придвинул ее

к себе поближе. Жадными губами припал к розовому лону, красотой которого только что восторгался. От его поцелуя Диана вскрикнула - и откинулась назад, лишь самыми кончиками напряженных пальцев ног касаясь плеч мальчишки, весьма откровенно и весьма умело ласкающего ее губами.

- Ах, сладкая какая! - меж тем восторгался мальчишка. - Она все время хочет?!

- Кажется, да, - холодно ответил Эван, глядя холодными глазами в затуманенные от наслаждения глаза Дианы.

Девушке на миг показалось, что Эвану бесконечно больно смотреть, как его брат ласкает ее. Он, говоривший, что не знает любви, сгорал в яростном пламени ревности, и не мог налюбоваться на девушку, разомлевшую, извивающуюся под ласками другого. Жаждущую мужчину и готовую отдаваться...

Диана вскрикнула, когда сильный драконий язык проник в ее лоно, вылизывая сок ее желания. Постанывая, она приподнялась на локтях - и почти сразу же рухнула в постель со стоном, потому что юный дракон обнял ее бедро, запустил руку меж ее ног и коснулся возбужденного клитора. Мягко лаская ее сочащуюся соком желания дырочку, он просунул руку и под ее ягодицы, и Диана взвизгнула, чувствуя, как его пальцы ласкают ее сзади, меж мягких ягодиц.

Он завладел всем ее телом, сразу, полно, жадно, лаская все ее чувствительные местечки. Диана вскрикивала и почти со священным ужасом смотрела на то, что он вытворяет меж

ее ног, то и дело заходясь в беспомощных криках и откидываясь назад, в постель. Бедра ее дрожали под руками дракона, и он то и дело поглаживал их, успокаивая девушку, когда его пальцы в погружались в ее тугое, мягкое тело, выбивая из ее горла животные громкие стоны.

Его пальцы гладили, встряхивали ее тело, она взвизгивала и виляла бедрами, когда чувствовала, что клитор ее горит под ласками и наслаждение становилось горячим и острым.

- Эван, спаси меня, - выдохнула она, и молодой дракон, целующий ее разведенные дрожащие бедра, рассмеялся.

- Не умрешь, - грубовато проговорил он. Его голос утратил обманчивую юношескую звонкость, и рокотал теперь низко, хрипло, с металлическими нотами.

Эван не вынес.

Зрелище раздирало ему душу, он шагнул к Диане и прижался к ней, глуша поцелуями ее стоны.

- Эван, Эван...

Ее пальцы зарылись в его черные волосы, она отвечала на его поцелуи и стонала, извиваясь под ласками младшего дракона.

- Я не могу, не могу... я так не умею, я не привыкла...

Рука Эвана легла на ее живот, умиряя и прижимая плотнее к ласкающим губам младшего дракона, и трепещущая девушка зашлась в криках, каждый из которых был выпит губами Эвана. Он целовал ее все откровеннее, все жарче, его

рука подхватила ее ногу под колено, подняла, раскрывая девушку перед поцелуями младшего дракона, и Диана закричала, поразившись этому сладкому предательству.

Молодой дракон крепче впился губами в ее лоно, пальцы его теребили ее тело быстрее, настойчивее, и Диана с криком кончила, чувствуя, как сжимаются ее бедра, как в узком лоне с трудом протискивается драконий язык, как палец мальчишки настойчиво мокрую кожу на сжавшемся анусе.

- Сладкая, сладкая, - шептал дракон, исцеловывая ее дрожащий живот, оглаживая жадной ладонью ее груди с остро торчащими сосками. - Вот это улов так улов!

Глава 5. Священный Грот

Драконы с урчанием ласкали и целовали ее тело, повторяя легкими прикосновениями пальцами все изгибы, а Диана, с сильно колотящимся сердцем лежала навзничь на постели, не в силах даже пошевелиться и лишь постанывала и вздрагивала, когда прикосновения обоих мужчин становились слишком уж чувствительными.

«Вот это попала, так попала! - в изумлении думала девушка, блаженно вытягиваясь в постели. - Конечно, больно они мне не сделают, но, черт подери, я им что, игрушка?! Так и будут передавать меня из рук в руки? Младший сказал, что Эван ревнив, а Эван, называя меня своей, легко поделился с младшим... Их интересует только то, хотят они меня или нет, рожу я им детей или нет. А вот мои чувства их словно не касаются. Я вообще как вещь! Они даже не стесняются меня, - об этом она подумала со стыдом, потому что младший дракон, утолив свою жажду женского тела, поднялся и без тени смущения принялся раздеваться. - Впрочем, может, они вообще никого не стесняются, это же не люди, это же... драконы, ой, мамочка!»

Младший из драконов, как уже отметила Диана, был высок, длинноног и строен. Раны на его теле были свежи - в том числе и шрамы на спине, плечах. Они еще не ушли под кожу, не затянулись чешуей, которая, к слову, у младшего была

черной, и проблескивала черным перламутровым готичным кружевом. Тонкими белыми нитями шрамы перечеркивали гармоничную игру мышц, и младший дракон, прежде, чем прыгнуть в бассейн, полил их ладонью, втирая волшебную влагу в кожу.

Наверное, Диана задремала, потому что приснившийся ей поцелуй в висок, осторожное касание губ, заставило ее вздрогнуть. Перед глазами ее все еще стояла картинка - обнаженный юный дракон, спускающийся в голубые мерцающие воды, его широкие плечи и юношески узкая спина, длинные иссиня-черные волосы, разметавшиеся по плечам. Однако, мигнув, она увидела, что юноши давно нет, а в бассейне плещется черный, длинный, словно питон, дракон, выписывая круги в прозрачной воде.

Эвана в спальне не было.

Диана уселась в постели, как замороженная, глядя, как дракон ополаскивает в волшебной воде кровь, боль и усталость. Длинные усы морского чудовища были обвиты морской сияющей пеной, гребень вдоль спины взрезал воду и прозрачным веером играл в волнах. Диана невольно залюбовалась игрой света на длинном теле морского черного змея, и снова пропустила момент, когда чудовище перекинулось в молодого человека.

- Проснулась, сладкая, - пожирая ее жадным горящим взглядом, улыбаясь, произнес он, неспешно выходя из воды. Раны его, которые до того кровоточили, теперь выглядели

так, будто им много дней. - Проголодалась?

- Пожалуй, немного, - стыдливо пискнула Диана, отводя взгляд от обнаженного юноши и натягивая одеяло на грудь. Бесстыжий дракон даже не пытался прикрыться, и белья на нем не было от слова вообще.

Эта застенчивость показалась дракону забавной; усмехнувшись, он снова прыгнул на кровать, сдернул с Дианы одеяло, навалился на девушку, прижался к ней, разогретой, разнеженной, холодным мокрым телом, и поцеловал.

В его поцелуе было много обожания, неги и желания упиться удовольствием - своим, и ее, Дианы, трепетом. Ощутить ее беспомощность и слабость под своим телом. Наиграться досыта новой живой игрушкой, замучить, затискать, зацеловать.

- Не бейся, сладкая, - тихо рассмеялся мальчишка, словно мог слышать мысли Дианы. - Я не съем и не растерзаю тебя. Хотя очень хотелось бы...

Его сила и страсть были свежими, ненасытными, бурными, как горный стремительный поток, и Диана, заалев, упершись ладонью ему в грудь, попыталась отстранить его от себя.

- Тебе восемнадцать-то есть? - нарочито пренебрежительно спросила она, и мальчишка расхохотался неожиданно басом, с металлическими нотками в голосе.

- Сто восемьдесят, - inferнальным, глубоким и порочным голосом ответил он, нарочно чувствительно тиская Ди-

ану, чтобы она сильнее извивалась и билась под ним, доставляя ему ни с чем несравнимое удовольствие от борьбы с ней. Его юное тело было сильно и тяжело, и молодой дракон, играя, легко умирал ее дрыгающиеся ноги. - Человеческий вид обманчив, маленькая Ирментруда.

- Диана, - пропыхтела девушка. - Меня зовут Дианой!

- Ирментруда Диана, - повторил молодой дракон и с удовольствием куснул ее в грудь, оставляя алое пятнышко на белоснежном бархате кожи. - Что ж, я запомню.

- А Эван где? - смущенно спросила Диана, делая вид, что отыскивает старшего дракона взглядом.

- Ушел по делам, - уклончиво ответил молодой дракон. - Ну, пойдем?

Он помог ей подняться и одеться. Для этого он долго копался в сундуке у изголовья кровати, перебирая пестрые ткани.

- Вот это, пожалуй! - произнес он, отыскав золотистый шелк с черной, тонкой, как туман, прозрачной накидкой. - Наши цвета. Ты же не предашь и не убежишь, маленькая Ирментруда?

Он сам помог Диане надеть платье, похожее на восточный длинный халат, сам поправил широкие рукава, из которых беленькие руки девушки выглядывали, как тычинки из лепестков спящего цветка, сам застегнул на тонкой талии девушки застёжки и повязал широкий шелковый пояс.

- Ножку давай, - велел он, преклонив колени перед де-

вушкой. Та, засмеявшись, приподняла подол, и княжич взял в ладонь ее теплую маленькую ступню. Аккуратно, со знанием дела, надел маленькую туфлю с чуть загнутым носом, всю расшитую драгоценными камешками. - Удобно тебе? Не больно?

Диана чуть качнула головой - нет, не больно, - и рассмеялась, когда мальчишка, даже не надев штанов, усадил ее перед зеркалом и сам, осторожно и аккуратно, начал расчёсывать ее волосы.

- Почему ты делаешь все сам? - спросила Диана. Она хотела повернуться к княжичу, но тот сжал ее виски ладонями, заставив сидеть смирно, смотреть в зеркало перед собой и не вертеться.

- Потому что Ирментруды, только что выловленные из моря, как правило, ничего не умеют, - пояснил он. - Они и туфлю-то не знают, на какое место пристроить.

- А где же слуги?

- Слуги! - фыркнул княжич, распутывая щеткой волосы девушки. - Эван откусит голову любому слуге, который посмеет посмотреть на твое обнаженное тело. Он очень ревнив.

- Ревнив! А ты...

- А я - его кровь, - отрезал княжич. - Он любит меня так же, как самого себя. В роду он старший, это верно. Но род надо продолжить, и кто это сделает - не важно.

- Вы же не умеете любить самок, - неодобрительно заметила Диана. - Как же можно ревновать, но не любить?

- А как можно любить самку? - удивился княжич. - Конечно, можно испытывать привязанность, симпатию, но как можно любить того, кто бесконечно далек и сам любить не в состоянии?

В зеркале перед собой, куда она была вынуждена смотреть, Диана то и дело видела его живот. Чуть смуглая кожа, сильные рельефные мышцы, темная дорожка курчавых волос... Краснея, Диана отводила взгляд, чтобы ненароком не опустить его вниз и *не рассмотреть* княжича как следует. А еще ей почему-то вдруг остро захотелось погладить этого молодого наглеца, ощутить под своей ладонью его тепло и силу его мышц, и *поцеловать его* в этот самый смуглый живот, провести губами вниз, вдоль полоски волос... наверное, если б она так сделала, мальчишка, при всей его самоуверенной высокомерности, смутился бы, ахнул, балансируя на грани удовольствия, напрягся б до дрожи, и с жалобным полувсхлипом толкнулся бы в ее горячий рот, скользнул бы по языку, который обласкал бы чувствительную головку его члена...

«Господи, что за мысли в моей голове! - тут же укорила себя Диана, краснея и скашивая глаза в сторону, чтоб не видеть мельтешащее в зеркале отражение. Чтоб не соблазняться. - Это все вода и драконий яд, в котором он купался. Это из-за них я хочу... хочу его».

Однако, самому дракону, похоже, и в голову не приходило, что он может порождать такие мысли в голове Ирментр-

уды.

- А служанки? - спросила Диана, кое-как справившись с бессовестными мыслями, роящимися у нее в голове. Княжич фыркнул еще насмешливее:

- Самки? - переспросил он. - Те из самок, что живут в этом доме, не расчешут тебе волосы, а вырвут их, и лицо расцарапают. И, возможно, нос откусят. Так что я бы не советовал на их половину дома ходить.

- А тебя правда... Галесвинты драли? - вспомнив окровавленную щеку княжича, осторожно спросила Диана. Тот с удивлением глянул в зеркало, встретился взглядом с девушкой - и снова инфернально, хрипло расхохотался, показывая острые блестящие драконьи клыки.

- Драконы, - проскрежетал он нечеловеческим, темным голосом, - не дерутся с самками. Старые Галесвинты, конечно, существа коварные и злобные, но далеко не глупые. Ни одна из них не справится с драконом, - хрипнул княжич, и Диана на миг увидела нечеловеческий, пугающий лик. - И все вместе - тоже. Тоже не справятся.

- Так кто тебя ранил?

Княжич на миг замер. Затем склонился над Дианой низко, заглянул в зеркало, встретился взглядом с ее глазами в отражении, и хрипло, страшно, ответил:

- Звездные колдуны.

Диане показалось, что он внимательно изучает ее реакцию, всматривается в ее черты, чтобы отыскать что-то, ка-

кое-то фальшивое чувство, что-то, что выдаст ее. Но Диана, тараща глаза, осталась неподвижна и не сорвалась с места с криком.

- И... - протянула Диана, с испугом вглядываясь в его глаза, темные, сверкающие то ярким красновато-карим светом, как самый дорогой чай, то рдеющие расплавленным золотом.

- И что это значит? Кто это - звездные колдуны?

Княжич пожал плечами.

- В общем-то, - нехотя признал он, - это тоже драконы. Только им запрещено летать. Они могут лишь ползать, жалить и рвать зубами. Их души темны и завистливы. Их языки, кажется, не умеют говорить правду. Они жаждут только одного - отнять все, что нам дорого.

- Бойся Звездного колдуна, - закончил свою речь княжич, словно заклинание. - Он обманет, сломает твою жизнь, отравит все, чем ты дышишь, подольет горечи полынной в еду и питье, и станет невыносимо существовать.

- Зачем им это? - в смятении выкрикнула Диана. Слова княжича были пугающими, в них была заключена какая-то особенная зловещая сила. Диана кожей почувствовала дыхание неумолимого зла, мурашки побежали у нее по спине. - Как можно быть настолько злобным созданием?!

- Ох, какая странная ты, Ирментруда, - посмеиваясь, ответил княжич. В зеркале отразились его веселые блестящие глаза. - Прав был Эван - есть в тебе что-то странное, почти

пугающее.

- Отчего же? - удивилась Диана.

- Да оттого, гладенькая моя, - ответил княжич, так же посмеиваясь и разглядывая девушку в отражении, - что ты забываешь - Ирментруды и самки вообще сами существа не самые добрые в этом мире. А тебя ужасает чужая жестокость, которая самой тебе должна казаться обычной и правильной. Притом ужасает искренне; вон ты как напугалась. Даже щеки побледнели.

- Почему ты уверен, - тихо спросила Диана, пряча взгляд от его внимательных глаз, - что я искренне напугалась? Может, я искусно притворяюсь.

- И еще об одной вещи ты забываешь, - снова хихикнул княжич, сжимая ее плечи. - Я ведь менталист. Так же, как и Эван. Разве он не говорил с тобой мысленно, разве не касался твоего разума? А все Ирментруды знают об этом, и потому предпочитают мечтать об украшениях и платьях, чтобы не выдать себя.

- Ты мысли читать умеешь? - спросила Диана и покраснела, потому что глаза у княжича разгорелись, вспыхнули одержимым огнем.

- О да, - ответил он, внезапно охрипнув. - Умею. И даже лучше Эвана. Я все время слышу твои мысли... даже самые бессовестные, - он с нескрываемым любопытством заглянул в пылающее лицо девушки. - И никак не могу понять, что это такое ты задумала?

Диана прекрасно понимала, о чем он ведет речь.

В последние полчаса она только и думала о том, как было бы здорово прикоснуться к княжичу, поцеловать его подрагивающий живот, положить ладонь на его член и почувствовать, как тот твердеет под ласкающими его пальцами.

- Это не я, - багровея, задыхаясь от стыда, пробормотала Диана. - Это все драконий яд.

- Драконьим ядом можно отравиться только один раз, - возразил княжич, - и действие его быстро выветривается. Это твои мысли, Ирментруда. Твои странные мечты.

«Мои мечты! - отчасти сердито подумала Диана, опуская пылающее лицо. - А разгуливать без штанов и думать, что это так и надо, и на девушку никак не влияет - это чьи мысли и мечты?!»

Она вдруг ощутила то, чего не чувствовала, потому что, наверное, не обращала внимания - осторожные прикосновения к своим мыслям, которые княжич листал, как книжку с картинками. Иногда какие-то сцены становились очень яркими и сочными, словно под увеличительным стеклом - то княжич всматривался в тайные мечты девушки, в те из них, что самого его манили более всего...

- Я давно смотрю на это, - хрипло проговорил княжич, - и никак не могу понять, что это ты такое задумала. Зачем это все?

В голове девушки ярко вспыхнула картинка, словно она само только что это представила - как ее губы смыкаются

на красной влажной головке возбужденного члена, как язык мягко поглаживает чувствительное место, как возбужденная мужская плоть поглаживает ее разгоряченные алые губы. Диана поняла, что он пристально рассматривает эту ее бессовестную мечу уже долго, вертит ее и так, и сяк, не понимая прелести этой ласки.

- Тебе что, никогда так не делали, - произнесла Диана, облизнув губы бессовестно.

- Какой же глупец отважится сделать так с Ирментрудой, - слабо возразил ей княжич. - У Ирментруды могут отказаться очень острые зубы... и коварные планы.

- Так загляни в мой разум глубже, княжич, - ответила Диана, для самой себя неожиданно страстно и жарко, без стеснения взглянув разгоревшимися глазами в его глаза. - Посмотри хорошенько и узнаешь, зачем это делается. Глянь, и узнаешь, чего я хочу.

Княжич смолчал, судорожно сглотнув. Его ловкие сильные руки повисли вдоль тела, Диана видела, как вздрагивает его живот от частого сильного пульса, и член его поднимался, наливаясь кровью и увеличиваясь в размерах. Не помня себя, отбросив всякую стыдливость, Диана вдруг положила свои ладони на его горячий и живот и исцеловала его, сама поражаясь нахлынувшему на нее безумию. Под рукой она почувствовала, как княжич от каждого поцелуя вздрагивает, настороженный и блаженствующий, и ее ладонь легла на горячую головку его напряженного члена.

Нежно, чтобы не вспугнуть доверившегося ей княжича, Диана поцеловала возбужденный член, затем еще и еще, наслаждаясь его упругой жесткостью и морским свежим запахом, перемешанным с запахом желания мужчины. Языком коснулась уздечки, и княжич под ее руками вздрогнул, весьма шумно охнул и безотчетно подался вперед, к ласкающей его девушке.

- Еще, - простонал он жалобно и беззащитно, и Диана его просьбу удовлетворила, пройдясь языком по всей головке, поглаживая чувствительную плоть, щекоча уздечку. Она обняла княжича за бедра и почувствовала, как он дрожит под ее руками, замерев, не смея двинуться, принимая наслаждение напряженно и жадно.

- Ох! - выкрикнул он, когда девушка чуть разомкнула губы, и член туго вошел в ее рот, скользнул по упругому горячему языку. Тело княжича лихорадило, каждый его мускул дрожал, и Диана едва не рассмеялась, понимая, чего стоит дракону это непривычное, густо замешанное на опаске наслаждение. Однако, он не спешил отстранить девушку, как бы ни боялся; и затуманенными глазами наблюдал за тем, как она ласкает его, обняв за бедра и принимая его член все глубже и глубже, до самого горла.

- Что ж ты вытворяешь, Ирментруда, - шептал княжич, подстраиваясь под ритмичные движения ее губ и упругого языка, - что же ты делаешь...

Его член выскользнул из ее рта, и девушка, сжав его у ос-

нования, сделала то, о чем так хотела - поцеловала, чуть сжав губы на мокрой головке, и поводила ею по своим разгоряченным, жаждущим губам, словно стараясь стереть нарастающее возбуждение.

Не стерла; а лишь распалила этой бесстыдной сценой желания и подчинения мужчину, который, не вынеся, взревел, и ухвати ее, в один взмах усадил ее на столик со всякими дамскими штучками для наведения красоты. Руки его, путаясь в тканях, лихорадочно отыскивали голые бедра девушки, но лишь затем, чтобы сжать больно, почти до синяков, растащить ноги девушки в разные стороны, и войти членом в ее узкое лоно одним движением, нетерпеливым и грубым, но таким страстным, таким желанным, что Диана закусил губы, яростно царапая плечи княжича и обвивая его ногами.

Он поднял ее, стиснув жадными руками ягодицы, сжав их до боли, и яростно толкнулся в лоно девушки. Еще и еще - яростно, отрывисто, жестко. Усадил ее снова на столик, но лишь затем, чтоб еще сильнее и жестче вжаться в ее тело, между ее голых бедер.

Дракон брал ее беспощадно, жестко, яростно - совсем не так, как привык разговаривать, мягко и осторожно. В любви княжич был неистов и беспощаден, и каждый толчок в свое тело, до самого чувствительного, нежного нутра, Диана встречала воплями, забывшись, рассыпав причесанные волосы и крепко зажмурив глаза. Ей казалось, что он сей-

час растерзает ее, и когда он поцеловал ее, проникнув жадным горячим языком в ее рот, она сжала губами его язык и неистово ласкала его так же, как до того ласкала член дракона.

- Да где же тебя выловили, такую...

Он изо всех сил старался быть сильным, грозным, безжалостным. Но ласки девушки заставляли его самого трепетать, будто все у него в первый раз, и он срывался в стоны наслаждения, зарывался лицом в грудь девушки, и толкался еще сильнее в ее тугое тело. Член его становился все жестче, головка набухала; Диана чувствовала, как изнутри ее жестко массирует словно металлическим шаром, катая его по самой чувствительной области, и она сжималась, доводя ощущения до невероятных.

- Где у тебя самое сладкое местечко, а? - шептал княжич, стискивая ее бедра и уже не пытаясь вогнать свой член на всю длину. Напротив - он почти полностью выскользнул из лона девушки и теперь ласкал частыми толчками самый вход, проталкивая жесткую крупную головку в лоно сквозь кольцо из сжавшихся мышц. - Где? Здесь? Разведи-ка свои ножки шире!

Диана взвизгнула, и княжич усмехнулся. Его ладонь легла на мягкий зарозовевший лобок, большой палец нашел клинтор девушки, и та вскинулась, как норовистая лошадка.

- О да, здесь...

Диана приподнялась на локтях, яростно двигаясь на-

встречу толчкам княжича, виляя бедрами, надеваясь на его член. От ласки его руками наслаждение ее сделалось очень полным, захватило все ее тело. Она задерживала дыхание, поджимая пальцы на ногах, подстерегая наслаждение и замирая, и княжич, глядя в ее затуманенные любовной пыткой глаза, усмехался, а его палец касался ее мягкого влажного тела все тоньше, все невесомее и все быстрее.

Девушка даже покраснела, словно от натуги, словно ей пришлось поднять невероятную тяжесть. Бедра ее сначала невероятно напряглись, задрожав, а затем она закричала, упав на спину, и тело ее все скрутило спазмами, вздрагивая от каждого толчка и прикосновения к ее раскрытому лону. Под конец она, дрожа и извиваясь, крепко сжала ноги, не в силах уже терпеть, но княжич уже тоже присоединился к ее наслаждению, вздрагивая точно так же, как она, повалившись на ее расслабляющееся тело. Его член вздрагивал в ее лоне, и девушка чуть слышно постанывала, принимая эти нечаянные ласки.

- О, Ирментруда, - еле ворочая языком, произнес княжич.
- А с тобой так сладко... я думал, душа моя сплавится от твоих бесстыжих губ.

После ужина, который состоялся очень поздно, Диана рассчитывала на отдых, но неутомимый княжич, наконец, натянув штаны и сапоги, боле-менее приведя себя в порядок, потянул ее за руку:

- Пойдем, - таинственным шепотом позвал он, - покажу что-то.

- Мне обязательно это видеть? - полусонная, сопротивлялась Диана.

- Да, - без колебаний ответил княжич. - Именно ты и должна это увидеть. Пошли.

Они обогнули бассейн, в котором купались, и княжич завел Диану в темный коридор. Удерживая девушку за руку, он помог ей спуститься по камням и сланцу, образовавшим естественные ступени, и перед изумленной Дианой открылся вид на красивую пещеру.

Подсвечивали ее кристаллы, огромные, с отполированными гранями, пронзающие пещеру подобно гигантским мечам. Все дно пещеры усыпали жемчужины всех цветов, от молочно-белого до черного и багрово-красного. В них, как в песке, были утоплены разбитые сундучки с сапфирами и рубинами, богатые и причудливые короны острыми зубцами выглядывали из жемчужной горы. Золотые украшения, сплетённые в единое целое, слежавшиеся, перепутанные, слепили глаза.

А посередине, словно огромное сердце океана, сияя ритмично и мягко, горел огромный камень глубокого синего цвета. Даже, пожалуй, целая скала: восхищённая, Диана обошла ее кругом, рассматривая этот огромный, многотонный сапфир, оправленный грубой горной породой.

- О-о-о, - прошептала она, касаясь ровной, как зеркальная

гладь, грани камня. - И сколько же это может стоить?

- Он бесценен, - шепнул суфлером княжич на ухо девушки. - Это Сердце Кита. Оно живое; оно знает обо всех помыслах ныне живущих. И драконов, и Звездных Колдунов, и диких свободных самок. Что тебе нравится тут больше всего? Ты можешь взять, что хочешь. Для себя.

Диана оглянулась; пещера, полная сокровищ, поразила ее воображение, и она не знала, что тут самое красивое. Она пересыпала жемчуг с ладони на ладонь, но тут, в сияющей груди, он казался ей намного красивее, чем в ее ладонях. Что десяток жемчужин? Они ничто в сравнении с пещерным великолепием.

Диана находила какие-то броши, цепочки. Но выбрав в сверкающей груди одну вещицу, Диана с удивлением отмечала, что драгоценность теряет всякую привлекательность. И девушка теряла весь интерес к украшениям и возвращала их туда, откуда взяла.

- Ах, Ирментруда Диана, - посмеивался за ее спиной княжич. - Ты такая странная. Любая женщина нашла бы здесь то, что желает ее сердце. Утащила бы в свою норку; спрятала подальше с глаз. И только твое сердце не хочет части; ты заминаешь и сохраняешь в своем сердце все. Не готова довольствоваться частью?

- Наверное, - нерешительно ответила Диана. - Мне кажется, отсюда нельзя ничего уносить.

- Твое сердце самое жадное, - шепнул княжич. - Не руки,

и не глаза. Сердце. Ты сохраняешь в памяти все, чтоб порадовать сердце, и поэтому владеешь всем. Какая мудрая самка...

Диана меж тем подошла к сияющему сапфиру, к Сердцу Кита, и положила на него свою ладонь. В отполированных синих гранях, вспыхивающих ослепительным огнем.

- Он что-нибудь говорит тебе? - спросил княжич, наблюдая за девушкой. - Ты слышишь его?

Диана качнула головой, намереваясь ответить отрицательно, но вдруг синее сердце вспыхнуло изнутри дымным, черным, грязным светом, и оттуда, изнутри, к девушке шагнул Андрей.

Его лицо появилось за гранью так внезапно, что девушка отшатнулась, но не смогла отойти ни на шаг. Ее ладонь словно приклеилась к драгоценности, и там, в глубине синего самоцвета, с другой стороны, к ее ладони прислонилась ладонь Андрея.

- Андрей, - прошептала девушка в ужасе, изо всех сил стараясь освободиться.

Андрей был красивым. По крайней мере, она привыкла так думать. тонкий породистый нос, чувственные губы, темные глаза, приятные черты лица... Коротко стриженные русые волосы. Андрей и молчал, и говорил привлекательно. Он умел нравиться.

Сейчас же знакомое лицо молодого человека вдруг сделалось невероятно жестоким, порочным, черты исказились, и

Диана забилась с криком, стараясь оторвать свою ладонь от драгоценности и бежать. Но не смогла.

- Отпусти меня! - потребовала Диана, затравленно озираясь. Но вокруг было темно, не было видно сопровождающего ее княжича, и сокровища казались в полумраке простыми песком и камнями. Девушка снова рванула прочь, вложив в движение всю силу своего молодого тела, но этот рывок отдался болью в руке, которая по-прежнему оставалась приклеенной к синему камню, и Диана закричала, бессильно обмякнув и повиснув на этой руке, словно привязанная.

- Андреас, - поправил ее шипящим, ненавидящим голосом молодой человек, наблюдая за ее бесплодными попытками вырваться. - Называй меня так. Я рожден здесь и наречен этим именем - Андреас.

- Кто... кто ты такой?! - в ужасе пробормотала Диана, отирая болезненный пот со лба. Молодой человек усмехнулся, в его черных глазах разгорелся недобрый огонек.

- Ты же знаешь, - издеваясь, ответил он. - Звездный Колдун. Лишенный крыльев изгой. Тот, кто рожден свободным и кого принуждают пресмыкаться и ползать на брюхе, в пыли!

- Так не делай этого, - произнесла Диана, но Андреас усмехнулся недобро.

- Когда хочешь взлететь, но крыльев нет, неизменно падаешь на землю, - страшно и злобно ответил Андреас. - Это очень больно. А смотреть, как парят те, кто запер тебя в этом теле, кто надел кандалы на свободные крылья, еще бо-

лее невыносимо.

- Так причем тут я?! - выкрикнула Диана в истерике. - Я тут причем?! Это не я виновата в твоих бедах! И я тебе ничем помочь не могу! Ясно?! А вот ты мне мог! Ты мог! Ты мог выкупить меня и отправить домой! Мог договориться. Мог угрожать, мог сражаться за меня! Но не стал! Ты просто отступил, ты просто меня им отдал! Так зачем сейчас ты являешься ко мне с упреками и жалобами?! Хочешь, чтобы я тебя пожалела? Посочувствовала? Но у меня нет сочувствия к тебе!

Андреас смолчал, а у Дианы перед глазами промчались события последних дней. Ярость придала ей сил, она подскочила на ноги и ударила кулаком по холодной сапфировой грани.

- Ты же сам меня оставил! - закричала девушка. - Бросил! Отказался! Променял! Ты обманул меня! А я любила тебя! Я тебе подарила себя! Свои искренние чувства! Да я всю жизнь готова была с тобой прожить, я все готова была для тебя сделать, а ты!.. Ты меня на другую променял! На Ирку!

«...они украли у него Ирментруду. Гладенькую, милую», - шепнуло ей на ухо волшебство голосом княжича.

- Ирка?! - выдохнула Диана, пораженная догадкой. - Ты у князя украл самку?! Это она? Ирка? Эта подлая гадина, отправившая меня сюда, в свободное плавание - Ирментруда, Ирка?!

Андреас смолчал, недобро кривя губы, и Диана зашлась в хохоте:

- Что же ты не наслаждаешься своей гладенькой, красивой Ирментрудой?! Чешуя у нее где-то не там отросла?! Или стащил, да не ту? Она тебе лапши на уши навешала, наобещала, а оказалось - врет?! Зачем, кстати, тебе эта кривоногая? Это ж змея скользкая, и ты ей не нужен нисколько! Драконы говорят - самки их любить не умеют, только притворяются! И золото считают? Поверил в ее вранье?! В ее сладенькие речи? Чем она тебя взяла? Безотказностью? Или смотрела на тебя собачьими преданными глазами?! Как она тебя обманула? Расскажи, мне же интересно! Я знать хочу, чем она лучше меня! Что тебе надо было, я хочу слышать!

Диана кричала и кричала свои обвинения, обидные горькие слова, а Андреас слушал его, и в глазах у него закипала лютая ярость.

- Я всего лишь ошибся, - задушенным голосом ответил он.
- Не она была необычной Ирментрудой. Это я понял тотчас, как она тебя сюда закинула...

- Ты сам от меня отказался, - мстительно выдохнула Диана.
- Ты ей позволил меня «закинуть». Необычности хотел? Так ты ее навсегда потерял! Я теперь принадлежу князю и его брату! И ради тебя и пальцем не двину!

- Нравится там? - недобро усмехнулся Андреас. - Эти пресмыкающиеся еще не трахали тебя? Обычно они не тянут; сразу набрасываются. Вдвоем, втроем, сколько их там,

в гнезде. Но предупреждаю, милочка: любить они не умеют. Только похоть ими движет. Только запах твоей распаленной киски. Возбудится другая самка - и она помчатся на ее запах... как животные...

- Трахали! - выкрикнула Диана. - О, еще как трахали! Боже, как они меня трахали! Я каждый миг пережила бы еще раз по десять - так мне хорошо с ними было! Ты и твой несчастный, мелкий огрызок - ничто в сравнении с князем! А княжич... тебе и не снился такой темперамент! Так что пусть животные - но ненасытные и такие страстные! И меня так просто, за кривоногую самку, они никому не отдадут!

- Замолчи, - задушенным голосом произнес Андреас, но Диана и не думала его слушаться.

- А то что, дружочек? - издевательски ответила она. - Что ты сделаешь мне, дракон, лишенный крыльев? Укусишь? Но у меня есть, кому кусать.

- Я отравлю твою жизнь! - прохрипел Андреас с ненавистью. - Каждый вздох, каждый миг станут невыносимы!

- О, как же, интересно? - оживилась Диана. - Что ты можешь? Ты - никто, и сюда, в княжий дом, тебе не пробраться. А вот я тут вроде самой драгоценной вещицы. Они оба надо мной трясутся. Особенно младший. Знаешь, мне кажется, что он готов принять то, что самки тоже имеют душу и могут влюбляться. А старший так и льнет к теплу. К нежности. Как думаешь, кто первый в меня втрескается?

- Ты пожалеешь о своих словах, - прорычал Андреас с

ненавистью. - Но у тебя есть один способ избежать моего наказания. Синий камень. Сердце Кита. Я хочу его часть. Я хочу его коснуться. Тогда я буду свободен. Я раскрою крылья.

За синей гранью было видно, как Андреас с тоской смотрит вверх, наверное, на небо, и Диане на миг стало жаль его - скованного, связанного волшебством. На миг девушка увидела призрачные цепи, сковывающие его крылья, и заклятья, связывающие его сильнее, чем самые прочные путы на свете.

- Боюсь, дружочек, тут ты не по адресу, - холодно ответила Диана. - Надо было свою кривоногую просить. Она б отколупала тебе частичку... Или постой, - до Дианы вдруг дошло. - Она тебя тем и взяла? Обманула, что князя ей показывали Сердце Кита и она касалась его? И ты ей поверил и меня бросил?

Андреас выглядел одержимым. Он молчал, но Диана видела, как он жадно дышит, будто не может надышаться.

- О-о-о, - протянула она, - так ты сам виноват. Вы с нею стоите друг друга!

Лицо Андреаса покрылось алыми пятнами.

- Так вам обоим и надо!

Андреас отвернулся так резко, словно девушка вlepила ему хлесткую пощечину.

- Ненавижу тебя! - выкрикнула Диана, и ее ладонь оторвалась от синей грани.

Диану отшвырнуло от камня и она с криком упала прямо на руки княжича.

- Что ты видела? - повторял он, но она не слышала его тревожный голос. - Что? Что Сердце кита тебе показало?

- Звездный Колдун, - прошептала она. Перед ее глазами все еще стояло лицо Андреаса, искаженное ненавистью и гневом. - Он хочет мне причинить зло.. Он кричал на меня... он грозился мне...

- Чем грозился, сердечко мое? - прижимая к себе и поглаживая дрожащую девушку, спросил княжич. - Чем он напугал тебя?

- Грозился отравить мою жизнь, - тихо ответила Диана. - Грозился и здесь достать и причинить боль. Если я не помогу ему, если я ему кусочек камня не отколупну. Грозился меня измучить!

- Хвастун ползающий, - усмехнулся княжич. - Как ему проникнуть в княжий дом? Никак. Зря сотрясает стены. А кусочек камня... Конечно он его хочет. Но не получит никогда. Поклянись мне, Ирментруда, что не станешь помогать этому негодяю. Я поклянусь, что буду защищать тебя всегда, а ты мне обещаешь, что не изменишь мне с ним, ни мыслями, ни телом. Для этого надо быть не только честной, но и сильной, храброй. Это сложно; особенно для женщины, которая большую жизнь живет свободно в море и не привыкла служить никому. Но ты необычная; я верю, что и в твоей душе есть место благородству.

Но Диана вся тряслась, как в лихорадке.

- Я клянусь тебя, княжич! Клянусь! Я не желаю помогать

ему, но... Он говорил так уверенно, - прошептала она, - словно уже сделал что-то... Словно уже проник сюда. Скажи мне, княжич, почему и за что его называют Звездным Колдуном, если он такой же Дракон, как и ты?

- Зови меня Леонардом, - мягко ответил княжич, отчего-то не желая рассказывать Диане о Звездных Колдунах. - Лео... как приятнее тебе?

Диана вся дрожала, но кивнула головой и оперлась о предложенную ей руку.

- Лео, - повторила она. - Леонард... прошу тебя, княжич: убереги меня! Не хочу я, чтоб этот человек меня погубил!

- Так он и не человек, - ответил княжич. - И не дракон. Не вполне дракон, точнее. Много веков назад ему подобные драконы, его предки, обманули море.

- Как это? - шептала Диана, взбираясь впотьмах по ступеням из сланца.

- Море дарует силу, - задумчиво произнес княжич. - Вода лечит все раны. Море - это колыбель наша. И Король моря - огромный синий кит, - плавал в его водах. Любой мог его найти, догнать и попросить о чем угодно. Кит мог помочь... или отказать. Этим, Звездным Колдунам, он отказал, уж я не знаю, о чем они просили.

Кит был мудр; он рассказывал, отчего иногда желаемое нельзя давать в руки. Получать желаемое не всегда хорошо. Это может быть не предназначено для тебя и губительно. Но появлялось все больше и больше тех, кто не хотел Синего

Кита слушать. Они плавали рядом с ним. Они шептали ему свои желания и свою волю, но он им лишь улыбался. Они начали угрожать - но он смеялся. И тогда они решили его убить. Их было много; мы не успели вступить за Синего Кита. Но он сам покарал их всех. Он умер; но вместе с ним все они попадали на дно и еле смогли выбраться на сушу, задышавшись. Они не могли больше плавать. Они не могли больше летать. Они вечно теперь свой грех замаливают. Но Синий Кит прощает не всех.

Прощения действительно могут получить те из них, кто коснется его сердца. Но ни я, ни брат им этого не позволим; остаются Ирментруды. Женщины. Существа, не ведающие любви и привязанности. Синий кит сказал, что если Звездный Колдун сумеет разжалобить сердце Ирментруды, если та ему поверит и пожалеет настолько, что решится отколоть камешек от сердца, то прощение у Колдуна будет. Вот они и стараются хитростью или угрозами заполучить желаемое. Но, кажется, они неверно поняли слова Синего кита - или поняли, но все равно хотят обмануть...

Звездными же их кличут затем, что однажды, сильно пожелав, пожертвовав своей жизнью, колдун может поразить своих врагов звездопадом. Но не бойся; это редко случалось. Для этого нужно мужество, отчаяние и ярость таких высот, что и вообразить трудно.

«Вот зачем я здесь, - догадалась Диана. - Вот зачем он говорил, что любит, вот зачем мне голову морочил! Закинули

меня сюда со своей сообщницей, и думали, что я напугаюсь, и за освобождение и за возвращение назад ему камень при- тащу! Или по старой памяти, по любви... Голову хотел мне морочить? Только прощения он не достоин! Да и освобож- дать меня он, может, и не станет совсем. Закинет в море или обманет. Зачем ему вообще со мной будет возиться, если он получит желаемое?»

- Андреасу я бы не простила ничего. Ничего, - зло шепта- ла Диана. - Ему верить нельзя.

- О, он тебе и имя свое назвал? Худо это, - сказал княжич. - Это значит, он очень рассчитывает на тебя. Если хочешь, - предложил княжич, - я лягу сегодня спать с тобой. Чтоб тебе не было страшно. Если сон дурной приснится, то я его отго- ню прочь. А если Колдун будет тебе всякие мерзости гово- рить, так я его планы из мыслей твоих услышу. Или ты про- тив? Или не хочешь, чтоб я все знал?

- О да! - отвечала ему девушка. - Прошу тебя, не оставляй меня! Читай все мои мысли, знай, что я ничего дурного не задумываю!

Княжич вынес ее на руках их пещеры, пронес в спальню, что была расположена рядом со спальней князя, и уложил в постель. Пожалуй, он испытывал некий стыд оттого, что подверг Диану такому испытанию и так напугал ее.

- Ничего не бойся, - шептал он, приглаживая ее волосы. - Я скажу Эвану, пусть отправит отряд. Мы его изловим, этого колдуна, вот и все. И он перестанет тебя мучить.

Глава 6. Драконы

Дремлющая Диана над своей головой слышала голоса.

Она лишь успела подумать, что, кажется, теперь никогда не будет знать покоя, всегда будет окружена людьми, которым принадлежит теперь, и они будут вертеть и крутить ее как куклу, и пользоваться ею, как своей вещью, по своему желанию.

Но тут до ее сознания дошел смысл слов, и она затаила дыхание, вслушиваясь.

- ...Это было слишком тяжелым испытанием для нее! - голос младшего дракона звучал сердито, даже гневно. - Это всего лишь маленькая рыбка, выросшая в прозрачных теплых южных водах, не пиранья и не мурена. Она не задумывает ничего дурного! Это ты... все ты, со своей подозрительностью!

- Звездный Колдун сказал мне, что это его рабыня, - жестко ответил старший, князь Эван. У Дианы сердце зашлось. Так вот о чем они говорили там, на берегу! Андреас опорочил ее, оговорил, отравил ее появление в этом мире с самых первых секунд. Бросил тень; поселил семя сомнения в душу Эвана. Сразу. А сомнение - самый ядовитый и самый мучительный из всех... Будет разъедать и мучить всегда! - Сказал, что я выкупаю черную змею, а не ласковую самку.

- Комы ты веришь! - насмешливо и с возмущением вос-

кликнул Леонард. - Лгуну, чей язык чернее дна преисподней?!

- Я не верю, - грубо отрезал Эван. - Поэтому и велел сводить ее к Сердцу Кита.

- Она только напугалась, - грустно заметил Лео. Видел бы ты, как она билась, стараясь освободиться от колдовства! Оно затягивало ее, но она сопротивлялась ему и вырвалась. Она не его рабыня, не его слуга, не его женщина. Я не верю, что самка, так боящаяся Звездного, будет ему подчиняться. Я вообще не верю в возможность привязанности при таком страхе.

«Ах, наивный Лео! - с горечью подумала Диана. - Прожил сто восемьдесят лет и не знаешь, что самая горячая ярость рождается из самой нежной любви... Впрочем, откуда тебе знать. Вы же не ведаете любви вовсе».

Впрочем, князь Эван выглядел пристыженным, как бы ни старался придать себе вид отстраненный, замкнутый и гордый.

- Я сожалею, - хрипло произнёс он, наконец, - что принял такое решение и подверг ее такому испытанию. Как она?

- Спит, успокоилась, - ответил Лео.

- Думаю, - произнес Эван, - подарок ее взбодрит. Смотри, что я принес. Самки любят подарки и украшения.

Сквозь опущенные ресницы Диана увидела в руках князя роскошное кольцо. Алый камень, окруженный россыпью бриллиантов, сверкающих, как холодные звезды, три нитки

жемчуга. Князь держал это невероятное, захватывающее дух богатство в горсти, словно стоимость его не особенно волновала Эвана.

- Это красиво, - согласился Лео, - но рыбка и в пещере ничего не взяла. Не знаю, примет ли от тебя дар, соблазнится ли, - в голосе его зазвучало сомнение, и Эван шумно, со страстью, выдохнул свое напряжение.

- Да кто же знает, что им надо! - пробормотал он, мучаясь от невозможности решить ситуацию по своему желанию сию же минуту, одним словом, как он привык решать проблемы. - Подарил бы что угодно, чтобы оставались рядом!.. неприятно привязываться к самке, считать ее чем-то постоянным - и терять! Чем он ее приманил, почему она оплыла к нему?!

«Ого, - с удивлением подумала Диана. - Сколько страсти, сколько пыла! И он мне будет говорить, что нет любви? Интересно, о ком он говорит?»

- Все еще по ней скучаешь? - небрежно ответил Лео. - Ну, сманил и сманил. Теперь у тебя другая есть. Еще глаже и еще симпатичнее. Она и вправду нежная рыбка; она мне нравится больше прежней. Такая юная, такая трепетная, любопытная, искренняя... Зачем тебе та самка? Ее черные волосы так и норовили превратиться в чешую, а тихий голос был слишком сладким. Как яд, растворенный в вине. Забудь ее; или в тебе уязвленная гордость говорит, оттого что Звездный смог ее увести?

«Да ведь он об Ирке говорит! - потрясенная, сообразила

Диана. - О самке, которую украл Звездный Колдун - Андреас! Он же Ирку сманил... А она, конечно, красotka. Обманула обоих; и князя не любила, и Звездному наобещала, видно, с три короба, и ничего не сделала... Или просто не смогла исполнить то, что он хотел? В любом случае, - Диана вдругу ощутила болезненный укол ревности в сердце, - князь Эван ее... наверное... любил. Был немного влюблен; привязан. И забыть не может».

Это показалось Диане отчего-то таким обидным, что она не стала больше скрывать, что не спит, и уселась в постели, откинув покрывало.

Оба мужчины, беседующие поблизости, тотчас обернулись к ней, и Лео шумно вздохнул, жадно окинув взглядом ее тело.

- Смотри, какая, - произнес он, - какая нежная кожа, какие волосы золотые... Какие розовые пальчики. В них горячая кровь, а не холодные морские воды. Твое сердце точно камень, Эван.

- Нет, - также хрипло ответил Эван, пожирая девушку взглядом. - Не камень. Как раз наоборот. Я боюсь снова впустить в него тепло - и снова обжечься о холод.

- Разве это слова, достойные смелого князя? - коварно промурлыкала Диана, усевшись так, чтобы все изгибы ее нагого тела были соблазнительно позолочены неярким янтарным светом ночника. Отчего-то ей сейчас очень хотелось, чтобы Эван вытряхнул из мыслей ее соперницу и думал толь-

ко о ней, о Диане, видел только ее. - Кто не боится и не про-
бует, тот никогда не получит того, что так вожделеет.

Эван усмехнулся, тряхнул черными волосами.

- А ты можешь обещать мне свою верность, самка? - спро-
сил он, осторожно усаживаясь на краешек постели Дианы.
Он протянул руку и самыми кончиками пальцев подцепил
локон, свисающий на грудь девушки, золотистым завитком
цепляющийся за острый сосок. Невинное, казалось бы, дви-
жение, но Диана поняла - князь хочет рассмотреть ее хоро-
шенько, хочет насытиться видом ее груди, розовой и нежной,
с торчащими сосками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.